
#СТАРШАЯШКОЛА
КОРОЛЬ ШКОЛЫ И САМАЯ ТИХАЯ ДЕВОЧКА КЛАССА
Король моей школы
ЛИССА ДЖОНС

Лисса Джонс
Король моей школы

https://litres.ru/74789013

Аннотация

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ НА БУМАГЕ! Я помню мальчика, который носил мои книги. Смеялся над шутками. Защищал. Пока я не предала его.

Филипп Воронов - безжалостный капитан баскетбольной команды, лучший студент "Альмы", восходящая звезда "Легиона". Он красив, популярен, жесток. И он никогда ничего не сделает ради вашего спасения.

Он назвал меня уродиной перед всеми. Разбил так, что я уехала на долгие месяца, но возвращение было неизбежно.

Теперь ему запрещено приближаться ко мне. А я вместо открытых насмешек столкнулась с грязными записками и анонимными угрозами. Все указывает на Фила. Но тогда почему он смотрит на меня так странно? Почему шепчет: "Твой настоящий цвет глаз лучше линз"?

Если это его новая игра — я уничтожу его. Если нет... Значит, кто-то играет с нами обоими.

✔ Нежная героиня, которая учится противостоять обидчикам ✔ Сложный герой — действительно ли он монстр? ✔ Химия между врагами, которая жжёт страницы

Для тех, кто любит: ❤#Атмосферу элитных учебных заведений и спортивную романтику ❤#Романы с героями-подростками, которые только ищут себя ❤#Тропы "от ненависти до любви", "фиктивные отношения", "первые чувства", "хорошая девочка и плохой парень"

Содержание

Пролог. Самый близкий враг	6
Глава 1. Возвращение домой	12
Глава 2. Король «Альмы»	16
Глава 3. Геометрия под прицелом	23
Глава 4. По-настоящему новенькая в 11«А»	30
Глава 5. Свинцовый мяч	37
Глава 6. Из-за тебя	44
Глава 7. Адское лето	51
Глава 8. Разбитое зеркало	59
Глава 9. Прошлое в прошлом	68
Глава 10. Ее маленькая тайна	73
Глава 11. Мой лучший друг – мой худший враг	80
Глава 12. Его маленькая тайна	89
Глава 13. Скандал, мокрая рубашка и ее глаза напротив	98
Глава 14. Булочки с корицей и неудобные вопросы	106
Глава 15. Обратная сторона «Альмы»	117
Глава 16. Любовь, семья, друзья. Предатели?	125
Глава 17. Легион	137
Глава 18. Разочарование	146
Глава 19. Ночная шарлотка	153
Глава 20. Утренний гость и странные переписки	166

Глава 21. Ты всегда была моей 181
Глава 22. Мотыльки, слетающиеся на свет 195
Конец ознакомительного фрагмента. 197

Пролог. Самый близкий враг

Ты.

Маленькая доносчица.

Она шарахается, будто я — чумной. Глаза за очками — круглые, испуганные.

А меня клинит от одного ее вида.

— О, кака-а-ая встреча! — голос хриплый, будто я пробежал кросс. Но это не так, я отошел на пару метров от дома. — Мисс «я расскажу все мамочке и папочке».

Она делает небольшой шаг назад. Я — размашистый вперед.

— Дай пройти… — дрожащий шепот едва слышен.

Мне хочется задушить ее, и сила желания ослепляет. Я зол на отца, мать, тупоголового Глеба, подначивающего пошутить над ней последний раз в году. Зол на нее, осмелившуюся сегодня открыть рот на Соколова. Это усугубило ситуацию. Она*сама*спровоцировала это.

— Почему надо было отвечать ему?! Почему надо было реветь, а?! — рычу. Голос вибрирует, как перегретый мотор. — Что ужасного было в замазке на пиджаке?! Что страшного было в пустых словах?!

— Мне нужно дом…

— Из-за твоего стукачества меня закроют в военке! — Баста. Срываюсь на крик. — Без телефона, тусовок и баске-

та! Я буду ходить по струнке смирно! Из-за тебя!

— Я не говорила… так получилось…

Лгунья.

Хватаю ее за локоть — тонкий, хрупкий. Другой рукой она прижимает к груди какие-то тетрадки.

— Знаешь, что? Ты заварила — ты и расхлебывай! Вперед и с песней.

Ее кожа под моими пальцами покрыта мурашками. Прохладная и такая нежная, что точно синяк останется. Плевать.

— Куда?

— Будешь всем рассказывать, как я «искренне извинялся».

— Не буду, — она вся сжимается, смотрит вниз, но голос неожиданно крепнет. — Я не буду врать.

— Чего?!

— Может, тебе действительно стоит побывать в этом лагере. Подумаешь, почему все твои шутки — за чужой счет. За счет того, кто слабее.

«За счет того, кто слабее».

От ее намека красная пелена ярости застилает глаза. Я резко дергаю ее к дому, она спотыкается, но упирается.

— Пусти!

Я же могу дернуть сильнее. Могу заставить ее замолчать. Могу…

— Отпусти, Филипп!

— Да пожалуйста! — Резко отпускаю. Неосознанно тол-

каю.

Она падает. Назад, на асфальт. Кричит.

Кроваво-красное марево на глазах тает. И я вижу… все. Я вижу ее. Себя.

Нас. Повзрослевших.

Папка с бумагами разлетается, листы застилают асфальт, как белые перья. Я стою над девчонкой, дышу тяжело, сжимаю кулаки.

Ну просто вылитые ангел и демон во плоти.

Она плачет. Прижимает локоть к телу и плачет. Очки сползают на кончик носа, она судорожно их поправляет и снова хватается за поврежденную руку. Черт. Локоть — хрупкая штуковина.

— Ава… — Не знаю, что сказать. Что делать? — Давай я пом…

— Уйди! — Отползает от меня по асфальту. — Оставь меня в покое!

Нужно наклониться и помочь. Нужно собрать ее бумажки, позвонить в «Скорую» или родителям, но я стою столбом и смотрю на трясущуюся от боли и слез девчонку, которую когда-то защищал от таких же ублюдков, каким стал сам.

Когда-то это все уже было. Только у нее был я.

— Ава…

— Я ничего тебе не сделала! — Всхлип.

— Черт… — выдыхаю, отступаю. Запускаю пальцы в волосы, сжимаю пряди. Ощущение, что мне дали по башке би-

той. Судя по шуму, к нам бежит кто-то из соседнего дома.

— Уходи!

И я делаю то, что она просит.

Разворачиваюсь и бегу.

Быстро.

Без оглядки.

Добро пожаловать в гимназию "Альма"!

КНИГА ГОТОВИТЬСЯ К ВЫХОДУ В ПЕЧАТИ!

Глава 1. Возвращение домой

Аврора

Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет хорошо, Аврора.

Затаив дыхание, мысленно повторяю слова, ставшие молитвой.

Поверить не могу, что время пролетело так быстро. Я вернулась домой. И осталось всего две четверти до выпускного.

Окно спальни покрыто морозным узором, сквозь который видны лишь детали цельной картины. Коттеджный поселок еще спит, но голубой свет фар до боли знакомого черного внедорожника Mercedes уже разрезает темноту раннего утра.

Знаю, что теперь этот автомобиль припаркован у соседей, пусть раньше стоял на нашей парковке. Знаю, для кого греют салон, как приятно там пахнет перцем и ванилью. Знаю, что коричневая кожа задних сидений немного поцарапана.

Это знание не радует. Я бы хотела забыть любые подробности *о нем.*

Обнимаю себя за плечи и отворачиваюсь от окна, не желая видеть того, кто вот-вот выйдет из соседнего дома.

— Аврора, милая, машина готова!

Мягкий голос звучит за дверью моей комнаты, после чего тихая поступь шагов говорит о том, что мама ушла в сторону лестницы.

Когда-то я ездила на том черном внедорожнике в компании лучшего друга, но больше мы не сядем в одну машину.

Мальчик вырос и превратился в дьявола.

Сегодня первый день, когда поеду в школу как одиннадцатиклассница. Точнее… не совсем первый. Нет, я не новенькая в гимназии. Хотя как посмотреть. В какой-то степени я действительно «новенькая».

От волнения желудок скручивается в тугой ком. Страх вернуться в гимназию спустя полгода накатывает волнами. Пальцы нервно теребят плотную ткань плиссированной синей юбки — привычка, которая не вписывается в новый образ, но от которой я еще не избавилась. Порой не успеваю проконтролировать руки.

Дыши, Аврора. Все будет хорошо.

В отражении высокого напольного зеркала новая я. Эта девочка смотрит на меня с волнением.

Все будет хорошо, крошка. Больше я не дам нас в обиду.

Юбка теперь чуть выше колен. Ушитый в талии пиджак и красная ленточка вместо галстука — кажется, я носила форму всю жизнь, но еще никогда не чувствовала себя так комфортно.

Я больше не буду сравнивать себя с кем-то.

Легкие волны золотистых локонов едва тронуты мелированием. Красный полупрозрачный тинт. Красные высокие Converse в качестве сменной обуви завершают новый образ. Линзы ярко-голубого цвета блестят в свете ламп. И никакой

оправы от очков.

Я больше не прячусь.

Подношу пальцы к накрашенным губам, вспоминая, как год назад прикусывала их до крови, лишь бы не расплакаться при очередном новеньком прозвище.

«Крот».

«Слепышара».

«Ботаник».

Выбирайте любимое. Я ненавижу их все. Это не просто слова: я чувствую их мерзкую кислоту на кончике языка.

На запястье звенит браслет. Тоненькая золотая цепочка с крошечным замком. Подарок самой себе в день, когда решила: Филипп Воронов остается в прошлом.

Он внушил мне ощущение собственного бессилия и никчемности, а я верила ему слишком долго.

Это чувство… чувство, что ты недостаточно хорош, — оно вам знакомо?

Вам знаком неконтролируемый страх, сковывающий разум и тело, когда кто-то в школе произносит ваше имя? Вы ждете, как очередное оскорбительное слово, будто кинжал, вонзится между лопаток и оставит болезненный шрам глубоко под кожей?

Сталкивались ли вы с мыслью, что боитесь ехать в школу?

Кто бы что не говорил, невозможно не обращать внимания на детскую жестокость. На подростковую травлю. На насмешки, злые шутки и на их последствия.

В своих фантазиях я всегда была смелее, умнее, красивее. В фантазиях я знала, что ответить на хамские подколы. Я имела смелость быть не тенью самой себя, а настоящей Авророй. Но все это было в фантазиях до сегодняшнего дня.

«Уродина».

Не всем дано быть смелыми от природы. Кому-то приходится тренировать в себе смелость, сражаться со страхами и, несмотря на проигрыши, пытаться еще и еще.

Слышу, как за окном хлопает дверь автомобиля. Значит, он сейчас уедет. Можно спускаться.

Последний раз бросаю взгляд на взволнованную девушку в зеркале, подмигиваю ей и легко улыбаюсь.

— Все хорошо. Никто тебя больше не тронет.

Хватаю с заправленной кровати аккуратный красный рюкзак и выхожу из своего безопасного уютного мира.

С сегодняшнего дня я сама буду защитником для себя, раз тот, кто был рыцарем, решил стать палачом.

Глава 2. Король «Альмы»

Аврора

В салоне маминой Panamera пахнет духами с легким шлейфом тюльпанов.

Смотрю в окно, на сонный зимний Питер, когда мы выезжаем из коттеджного поселка на расчищенную от снега трассу. В утренних сумерках мелькают деревья в пушистых белых шапках из снега, высокие столбы фонарей и проносящиеся мимо машины.

— Ты же знаешь, что еще не поздно сменить школу? — Боковым зрением замечаю: мама бросает на меня взгляд из-под ресниц. Ее пальцы с безупречным нюдовым маникюром сжимают руль чуть сильнее.

Моя мамочка — самая красивая, заботливая и лучшая женщина в мире. Наверное, я из тех детей, которым повезло иметь такую маму.

— Если скажешь прямо сейчас, мы с папой сможем тебя перевести. В конце четверти поменять решение не получится.

Папа готов носить ее на руках. Иногда он зовет ее самой требовательной музой времен и народов, и это очень точно описывает Василису Бестужеву. У нее невозможно упрямый характер, особенно когда речь идет о семейном отельном бизнесе и папиных картинах.

У нее светлые волосы, аккуратно уложенные в волну, достающую до плеч. Чистые зеленые глаза с небольшой сеткой морщинок в уголках. А еще у нее изящные изгибы фигуры, которые не передались мне ни на сантиметр. Я похожа на нее, но худее и выше.

— Милая, решение за тобой.

Я больше не хочу убегать. Один раз сбежала — это было фатальной ошибкой и уроком на всю жизнь.

— Полгода осталось доучиться, мам. А это одна из лучших школ страны. Все хорошо.

Да и давайте признаем, что быть новым человеком в выпускном классе — то еще «удовольствие». В своей школе я знаю учителей и их замашки. Знаю, у кого я на хорошем счету, а у кого нельзя расслабляться.

— Атанасия и Кирилл провели с ним ряд бесед. Летом Фил приходил в себя в кадетском лагере.

Да, я помню, как именно он мне сообщил об этом. И последствия нашего общения — фантомная боль в локте. Из-за меня его лишили лета.

Плевать. Мне должно быть плевать. Нет, не так. Я должна быть рада его наказанию.

— Мам, мне не интересно, как он провел лето.

Мама останавливается на светофоре и поворачивается ко мне. Ее зеленые глаза становятся серьезными, и я вижу, как она старается изо всех сил, чтобы не свернуть обратно домой. Она не хочет, чтобы я возвращалась в «Альму».

— Милая, пообещай, пожалуйста: если Филипп что-то сделает, ты больше не будешь молчать.

Обещай не молчать, Аврора.

«Стукачка!»— все тот же ядовитый шепот в голове заставляет тряхнуть волосами.

— Думаю, такой красотке он больше ничего не сделает, — хитро улыбаюсь маме, намекая на то, что именно она позволила мне накрасить губы полупрозрачным красным тинтом и разрешила осветлить волосы.

Я не чувствую себя «красоткой» по-настоящему, но есть кое-что, что я поняла этим летом.

Я не стала эталонно красивой. Но я и не была некрасивой.

Я — не уродец. Никто из носящих очки, брекеты, слуховые аппараты или другие штуки по медицинским показаниям не может называться уродом. Мы не виноваты в собственных дефектах.

— Аврора… — она пытается сохранить строгость, но уголки губ дрожат в ответной улыбке, — просто постарайся не…

— Знаю-знаю, в ваших с папой глазах я всегда красотка, — отшучиваюсь, не дав маме закончить. Сегодня не день для серьезных и грустных тем, правда.

Я тут вообще-то во всю играю роль героини фанфиков, изменившейся за лето.

В руках вибрирует телефон. Невольно улыбаюсь, глядя на

милого парня-шатена на селфи.

Матвей:Радуйся, школота. В универе у тебя сейчас была бы сессия. С возвращением в ад))) Задай им жару.

— Это снова Матвей?

— Ма-а-ам, это просто Матвей. — Делаю ударение на слове «просто».

Матвей такой же ботаник, как и я. Был, точнее. Он занимался и занимается вокалом, выступает на конкурсах и на первом курсе универа даже обрел друзей. Это дает мне надежду на то, что и в моем случае не все потеряно.

— Я ничего не сказала, — теперь мама открыто улыбается, но не развивает тему. Матвея она знает уже лет пять.

До гимназии мы добираемся на удивление быстро, или это мне так кажется. Я была бы рада ехать еще час.

Мама останавливается на парковке перед старым, отреставрированным зданием в духе дореволюционного Санкт-Петербурга. Трехэтажный бежевый дворец с высокими белоснежными колоннами и гербом в виде головы льва прекрасно вписывается в картину заснеженной северной столицы.

Пафосно, претенциозно. Попасть сюда могут либо очень одаренные дети города, либо очень обеспеченные.

Рядом с нами ряд блестящих иномарок, из которых выходят ученики.

Родители стараются пристроить сюда детей не только ради высококлассного обучения, собственного бассейна, обсерватории, библиотеки и спортивных секций, сколько ради соци-

альных связей, полезных во взрослой жизни.

Малыши спешат в школу: бегут, выдыхая пар на морозе. Мои ровесники вольготно прогуливаются вдоль кованного черного ограждения, украшенного маленькими золотыми розами из металла.

Все будет хорошо.

Целую маму на прощание, еще раз пообещав, что больше не буду молчать.

Морозный воздух обжигает легкие, но ком появляется в горле не от январского холода. Высокая фигура капитана гимназисткой баскетбольной команды скрывается за парадными дверями школы.

***

Здесь ничего не изменилось.

Тетя Марина все в той же темно-синей форме сотрудника «Альмы» дежурит в гардеробной и провожает малышей острым взглядом. У шкафчиков толпятся компании друзей. Родные стены коридоров увешаны портретами ученых.

Я скучала по гимназии. По высоким потолкам, по лакированным чуть скрипучим полам, по духу старины и инноваций, живущему в стенах дворца-особняка.

Замедляю шаг, когда дохожу до кабинета математики.

Конечно, они все здесь.

Бессменная свита самопровозглашенного короля — его лучшие друзья Дима Юсупов и Максим Разумовский. С ними «Мисс гимназия», начинающая модель, та, на кого млад-

шеклассницы смотрят с восхищением и та, кто когда-то первой подхватила ненависть Фила и придумала большинство обидных прозвищ. Полина Вильская с идеально гладким высоким хвостом. Последний в их компании Глеб — самый безобидный. Он неслышен за смехом Фила, невиден за внешностью Макса и невзрачен по сравнению с медалистом Димой.

Все они образуют живую рамку вокруг своего короля. Их смех слишком громкий, слишком искусственный. Будто они играют в фильме под названием «Те самые бэд-бои из твоей школы».

Ладони моментально становятся влажными, а во рту пересыхает.

Он стал еще выше.

Взрослее.

Рыже-медные чуть вьющиеся волосы спадают на лоб, подчеркивая нарочитую небрежность образа. Закатанные рукава школьной рубашки обнажают загорелые предплечья с едва заметными веснушками.

Он стоит, прислонившись плечом к стене. Перекидывает баскетбольный мяч из руки в руку с той показной легкостью, от которой у девочек перехватывает дыхание.

Все будет хорошо.

Фил запрокидывает голову, смеясь над чьей-то шуткой. Острый кадык на жилистой шее выделяется сильнее. Этот знакомый жест вызывает миллион плохих воспоминаний.

Только теперь я не дрожащая дурочка, которая готова была провалиться сквозь землю от одного его взгляда.

Шумно выдыхаю.

Каждый шаг к кабинету дается с трудом, будто иду не на урок, а на поле боя.

Все будет хорошо.

Чувствую, как предательски дрожат колени. Рюкзак кажется непосильной ношей. В ушах — монотонный гул собственного страха.

— Твою-ю-ю-ю же… — раздается слева. — Вы только посмотрите, ребят!

Сердце замирает. Язвительный и фальшиво-восторженный голос Глеба разрезает тишину.

— Наша крыска, оказывается, просто плохо мылась. Бестужева, в какой китайской бане тебя отпарили, и как попасть в очередь в эту парилку? Я бы попарился!

Кажется, все часы мира останавливаются. Взгляды — острые, любопытные, насмешливые — прилипают ко мне. Даже те, кто сидел на подоконнике, поднимают головы.

А я вижу только одно: оранжевый мяч в его руках резко перестает вращаться.

Дорогие, пожалуйста, оставляйте комментарии ## Любые, даже самые коротенькие! Я буду безмерно благодарна! Они очень нужны для книги, это напрямую влияет на место в огрооомнейшем списке книг ##

Глава 3. Геометрия под прицелом

Аврора

Когда-то я наивно думала, что он сможет простить. Верила, что повзрослеет, забудет. Выплеснет накопленную злость, и я снова увижу того мальчишку, с которым делила мороженое и мяч. Но годы шли, а Фил лишь оттачивал свое мастерство быть придурком.

Теперь вместо веры и желания *заслужить* прощение внутри кипит ненависть к венценосному королю «Альмы». Чистейшая, горячая, как лава, ненависть. Она придает сил и храбрости, она заставляет задирать подбородок и смотреть прямо.

Ловлю миг — крошечную долю секунды, — когда темно-карие глаза расширяются. Но еще через секунду его губы сжимаются в тонкую полоску, будто Воронов запрещает себе говорить со мной. В ответ мои руки крепче сжимают лямки рюкзака.

В коридоре — напряженная тишина. Все ждут привычного спектакля: его язвительной реплики, моего покрасневшего лица, всеобщего смеха.

Фил молчит.

Пристальный нечитаемый взгляд медленно скользит по моим волосам, сканируя. Рассматривает не торопясь, останавливается на лице. Я впервые с пятого класса без очков и,

должно быть, это бросается в глаза.

Фил презрительно кривится, но не произносит ни слова. Пружина напряжения внутри вот-вот рванет, но я изо всех сил стараюсь держать спину прямо и не отводить взгляд. Пальцы впиваются в лямки рюкзака еще сильнее.

Он ведет себя не так, как раньше. Абсолютно не так. Что за бойня под названием «Моргни первым»?

Полина, видимо решив, что я так и осталась немой мышью, тут же подхватывает:

— Крашеная блондинка? — Девичий голос звучит слащаво-задумчиво, но я прекрасно знаю этот тон. — Ребят, как думаете, зачем она сменила гардероб?

Она делает театральную паузу, облизывая губы, как кошка перед тем, как съесть мышку. Хищно улыбается.

— Неужели жаждешь внимания? — Небольшой шаг вперед, ко мне. — Гугл-глазам его не хватало?

«Гугл-глаза». Так меня стали называть год назад. Зрение упало настолько сильно, что толщина линз была до абсурдности большой, даже с учетом того, что родители заказывали дорогущие линзы. А без очков я совсем ничего не видела.

Ребята усмехаются. Те, кто на подоконнике, снова возвращаются к своим учебникам. Все как обычно. Я молчу, хоть и репетировала миллион раз перед зеркалом.

«Крыса. Уродина».

Идите к черту!

Давай, Аврора, открой рот!

Ты не мышь!

— Заметили? Вы? — Спасибо, что голос звучит на удивление ровно, пусть и очень тихо. Но для первого раза очень даже хорошо. — Я лучшая выпускница параллели. Я единственная из гимназии получила грантовую стажировку в Пекинском колледже. А вы... просто вы.

О боже, мамочки… Боже! Почему вслух так ужасно?! Мысленно звучало лучше.

Наверное, я бы убежала сию же секунду, не дав им возможности осознать, как глупо и стремно вышло, если бы не открывшаяся дверь в кабинет математики.

Женщина средних лет в темно-синей форме преподавателя «Альмы», с закрученными в тугой узел русыми волосами сканирует нас цепким взглядом.

— Доброе утро, класс, — приветствует Ирина Константиновна. — Аврора, с возвращением в гимназию. Воронов, не начинай утро с выговора. Неси мяч в шкафчик.

Я перевожу дыхание, не веря, что впервые в жизни постояла за себя. Дала отпор. Пусть криво и не совсем так, как в своих фантазиях, но получилось. И небо не обрушилось мне на голову.

***

Геометрия проходит на удивление спокойно.

Знаете, это странное чувство — когда ты годами ждешь удара, напрягаешь плечи при каждом шорохе за спиной, а потом вдруг... Ничего. Тишина. Лишь скрип ручек и ровное

дыхание десяти человек, склонившихся над тетрадями.

Напоминаю себе не горбиться каждые пять минут.

Ирина Константиновна — за спиной ее называют Синусоидой за переменчивое настроение и изгибы тучной фигуры — выводит на доске формулу для вычисления объемов многогранников. В Пекине мы остановились на телах вращения, так что придется нагонять.

Цилиндр, вписанный в шар... Боже, где мне это пригодится, кроме уроков геометрии?

Я переписываю в тетрадь $V = \frac{4}{3}\pi R^3$. Ощущение горячего жжения между лопатками едва не заставляет подскочить. Ручка соскальзывает вниз, оставляя некрасивую полосу на листе.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Ничего. Только новенькая за соседней партой поднимает карие глаза:

— Что?

По классу пробегает волна сдавленного смешка.

Идиотка. Никто не будет играть с огнем в классе. Давай без паранойи.

— Н-ничего.

— Аврора, что-то не понятно? — Грудной чеканный голос разносится над головами. — Можешь задать вопрос, мы разберем подробнее. Вы дошли до темы объемов?

Мне не хочется становиться центром преподавательского внимания, поэтому вру. Я просто позанимаюсь дома и догоню ребят.

— Хорошо. — Ирина Константиновна садится за преподавательский стол. — Со следующей недели начну вызывать тебя к доске.

— А пока вспомни русский, — веселый голос Максима Разумовского звучит громче, чем голос математички.

— Вот ты сейчас и вспомнишь. К доске, Максим. И, будь добр, в следующий раз заправляй рубашку в брюки. На кого ты похож?

Макс игнорирует замечание о своем помятом внешнем виде: Ирина Константиновна полжизни ему их делает. Нарочно задевает мой рюкзак, заговорщицки улыбается и подмигивает.

— Выручай, а? В Китае же типа один за всех и все за одного?

— Максим!

— Простите-простите! — Разумовский вскидывает руки, превосходно считывая признаки ее меняющегося в худшую сторону настроения. — Соскучился по лучшей подружке. Может, мы на пару с ней ответим? Знаете, я просто обожаю парные проекты и все такое.

Я слушаю кривые объяснения Максима вполуха. Раньше Фил был тем, кто шутит, нарывается, выходит к доске и забалтывает учителей. Но теперь его не слышно.

Мне же лучше.

Максим наконец-то соображает, как вычислить радиус шара, если известна высота цилиндра. Снова тишина и его

бубнеж. Снова неприятное ощущение, только теперь в затылке. Это не жжение, это что-то странное.

Сзади раздается тихий щелчок. Аккуратно оборачиваюсь, оглядываю опущенные головы и натыкаюсь на сидящего прямо ученика.

Фил развалился за последней партой. Ручка лежит на столе, словно он и не думает записывать решение.

Наши взгляды снова сталкиваются, как в коридоре. Его темно-карие глаза полыхают. В них нет привычной насмешки. Только обжигающий лед ненависти, уколы которого осязаю на своей коже.

Что ты так смотришь?

Когда я почти готова отвернуться, губы Фила трогает кривая ухмылка. Будто это он меня застукал на подглядывании, а не наоборот. Или будто он увидел что-то такое, что я сама в себе не замечаю.

Может, что-то не так с волосами? Линзами? Тушью?

Черт. Я снова в себе сомневаюсь Просто потому, что он криво посмотрел.

«Иди ты, знаешь, куда?»— мысленно бросаю и резко отворачиваюсь, но в груди рождается предательский холодок. Потому что эта тишина теперь кажется пострашнее издевок. Потому что я уверена: с ним что-то не так.

В МОЕТ ТТ УЖЕ ЕСТЬ ОЖИВШИЕ ГЕРОИ! ПОЖАЛУЙСТА ПОДДЕРЖИТЕ ИХ!

ТТ "твой автор, лисса джонс"

Глава 4. По-настоящему новенькая в 11«А»

Аврора

После первого урока наступает десятиминутная перемена. Хватает, чтобы перейти из кабинета в кабинет, проверить, не забыл ли словарь, и мысленно подготовиться к сдвоенному китайскому.

В «Альме» классы маленькие, по десять-двенадцать человек, чтобы учителя могли уделить внимание каждому.

В моем 11-м «А» классический для гимназии гуманитарный профиль с упором на языки, обществознание, факультативную экономику. Нас готовят для обучения на юрфаке, факультете менеджмента и экономики, и, конечно, для факультета международных отношений.

В 11-м «Б» упор делается на естественные науки, а факультативные занятия проходят в обсерватории и лаборатории. Многие выпускники уходят в медицину.

— Привет. Я Саша, — я стою у парты и раскладываю тетради, когда рядом материализуется улыбающаяся низенькая девушка с каштановыми кудрями, собранными в небрежную мальвинку.

Это она сидела за мной на геометрии.

— Привет, я… Аврора?

Блин, что за вопросительная интонация в конце?

— Знаю. — ее улыбка становится шире, а я чувствую, как краска подступает к щекам. — Про тебя всю первую четверть рассказывали, — продолжает Саша, будто не замечая моего смущения. — На уроках китайского твое имя звучало чаще, чем имена тех, кто сидел в классе.

Ммм. И что теперь говорить?

— Ты что, стесняешься? — Саша кидает темно-синий рюкзак на парту позади меня с таким грохотом, что Полина кривится, а Арсений — еще один мой одноклассник, — неодобрительно косится на нее.

Близняшки Оля и Лена переглядываются, явно оценивая, стоит ли растрачивать силы на новенькую. Я сжимаю кулаки, по привычке ожидая насмешек и перешептываний. Но никто и слова ей не говорят.

— Есть немного, — признаюсь, глядя в тетрадь. — Я просто... не умею знакомиться.

Говоришь, как дурочка, Ава.

— И не надо. Я... — начинает Саша, но ее прерывает громкий хохот.

Дима Юсупов вваливается в класс. Угольно-черные волосы уложены безупречно, рубашка отглажена так, что, кажется, уголки воротника способны порезать пальцы, а лоферы блестят, словно только что из коробки. Дима идеальный, будто сошедший с обложки глянцевого журнала.

Он толкает Фила под ребро, что-то весело бормочет, и Во-

ронов отвечает небрежной ухмылкой. Фил — полная противоположность друга.

Если Дима выглядит на свои восемнадцать, то Воронов кажется второкурсником, затерявшимся среди школьников. Медные волосы растрепаны, будто он только что снял капитанскую бейсболку. Закатанные рукава рубашки и несколько кожаных браслетов на запястье дополняют образ бунтаря. И, кажется, я разглядела сережку в ухе.

Дима сворачивает между партами и врезается плечом в Сашу.

— Придурок, — она шипит ему в спину, на что он демонстрирует ей средний палец.

Фил идет следом, не глядя по сторонам, словно мы с Сашей — невидимки. Я только успеваю поверить, что он просто пройдет, как шумный выдох над головой пускает от шеи до поясницы табун крупных мурашек.

— Брысь, — голос низкий, негромкий, но с фирменной капитанской интонацией.

Надо же, как красноречиво!

Сглатываю ком в горле от страха, разворачиваюсь и смотрю в его глаза. Один Бог знает, каких сил мне это стоит.

— Вам что, места мало? — не отступает Саша, вскидывая брови. — Обходи за дружком!

Фил мастерски игнорирует девушку. Не удивлюсь, если в его парадигме вообще не существует никого, кроме его свиты и команды. И меня — груши для битья.

— Ты можешь обойти, — шепчу, чувствуя, как страх все же берет надо мной верх. За то время, что мы не виделись, он стал выше. Шире в плечах. Приходится слегка запрокидывать голову, хоть я и не из низких девчонок.

— Ты можешь сдвинуться, — он нависает, как тень, понижая голос до предупреждающего шепота.

Едва заметная презрительная улыбка. Взгляд, прожигающий насквозь. Дурацкие рыжие локоны на лбу. Но ничего ужасного не происходит, и я уже готова его послать, когда он вдруг использует запрещенный прием.

— Отходи, Аврора, — цедит сквозь зубы. — Не глупи.

«Аврора».

Я не могу сказать, что это что-то новое.

Презрительный взгляд — не худшее, что со мной случалось. Все эти уничижительные прозвища, пролитая на тетради замазка, толкания в спину, жеванные комки бумаги в волосы. Но сейчас... То, как он произносит мое имя, звучит ужасно. Лучше бы не вспоминал.

Я падаю на стул, уступая. Воронов довольно ухмыляется и дефилирует к своему месту, оставляя меня, раскрасневшуюся от стыда. Оказывается, мало просто изменить внешность. Оказывается, я все еще трусиха, не способная дать настоящий отпор

Почему я так поступила?

Ну вот что бы он сделал?

Толкнул бы на этот стул? По привычке скинул бы учебни-

ки с парты? Сказал бы что-то как в тот день, когда он перешел черту?

— Саша, я… — голос предательски дрожит. Может, ей лучше держаться от меня подальше?

Девчонка машет рукой, откидывая кудри.

— Не парься. Я новенькая, но не глупенькая, — Саша улыбается и присаживается на край моей парты. — В прошлом году выиграла всероссийскую олимпиаду по китайскому. А летом мы подали документы в «Альму», я прыгала от радости, и вот я здесь. Хочу после экзаменов поступить куда-то на бюджет, но еще не знаю куда. А еще я в восторге от вашего бассейна и библиотеки. Вот и познакомились, да?

Потом закатывает рукав — на запястье вытатуирован крошечный иероглиф «удача».

— Ух ты!

— Я тоже немного отщепенка, — пожимает плечами Саша, будто говорит о чем-то неважном. — Дима, Фил, Макс, Глеб и Арс идут к черту. Полина и ее подпевалы тоже. Я вообще не люблю спортсменов и их фанаток. Остаешься ты и я. Будем держаться вместе?

Она протягивает руку.

— Согласна. — в ответ сжимаю ее пальцы, а в груди на смену холодным щупальцам одиночества и тревоги приходит ощущение странного тепла. Не думала, что испытаю такое в школе!

Я не одна.

Улыбаюсь, пусть осознаю, что это только начало. Чувствую, что Воронов смотрит, но не поддаюсь желанию обернуться. Маленькими шажками буду и дальше учиться давать отпор.

***

День пролетает слишком быстро. Звездная компания нас не трогает: кажется, они почему-то побаиваются Сашу. Она первая стипендиатка в нашем классе, но ее социальный статус не обсуждают в грязных разговорчиках. Либо делают это незаметно.

Девчонка оказывается неугомонным энерджайзером. Когда показываю фотографии Пекина, она едва не подпрыгивает на месте от восторга и забрасывает меня вопросами.

— Ты ела стритфуд? Ну как, правда остро? А Китайскую стену видела? Впечатляет?

Я жду стычек, морально готовлюсь, но ничего не происходит.

Мне кажется, что-то изменилось. Не только мой внешний вид и поведение Фила. Это что-то витает в воздухе, искрится напряжением. Затишье перед бурей.

Чутье меня не подвело. Тревоги воплощаются в записке, подброшенной в учебник на большой перемене.

«Ты все еще уродина. Считаешь иначе? Посмотри в зеркало».

После уроков нахожу на дверце шкафчика приклеенный на скотч грязный осколок зеркала. Похоже, это объявление

новой войны.

Дорогие, приглашаю вас в книгу Димы и Саши "Новенькая в его школе": https://litnet.com/shrt/jyWF

И приглашаю в горячую, летнюю, острую историю родителей Авы: "Люблю тебя, девочка": https://litnet.com/shrt/8HWm

Глава 5. Свинцовый мяч

Филипп

Сжимаю мяч так, что пальцы немеют. Синяя форма пропитана потом, повязка на лбу —тоже.

Чувствую солоноватый привкус на губах.

Но школьные тренировки — детский сад по сравнению с «Легионом».

С этого года я состою во втором составе лучшего клуба Питера и теперь знаю, что такое настоящий ад. Там не жалеют. Хоть на куски разорвись, а вырви победу зубами.

«Главное не победа, а участие»— девиз слабаков, неприемлемый в профессиональном спорте. А я собираюсь связать с баскетболом всю жизнь.

Когда я впервые взял мяч в руки, мне показалось, что я с ним с рождения не расставался. Но сегодня мяч впервые тяжел, как свинец.

Швыряю его в кольцо — бам! — отскок от щита. Ловлю на лету, снова бросок. Снова мимо. Черт. Приехали.

*Я*не попадаю.

Глеб —Халк под кольцом — ухмыляется. В серых глазах читаю: «Воронов, ты сегодня дерьмо». Он кричит что-то про то, что мне пора уйти в чирлидинг, но я не успеваю послать его.

Свист рассекает воздух. Тренер.

Первое упражнение: ведение.

Я веду мяч на автомате, безуспешно пытаясь сосредоточиться на игре. В этом спортзале я могу двигаться вслепую. Перед глазами против воли — девичье лицо.

Она сегодня смеялась с Абрамовой. Показывала что-то в телефоне, болтала без остановки. Вела себя так, будто действительно *изменилась*. Просто тема номер один в первый учебный день!

Я один не заметил изменений? Вранье. Кое-что заметил и никак не пойму, на кой она это сделала. Но спрашивать не собираюсь.

Зато собираюсь поговорить с Максом. Разумовский подкатил к ней на большой перемене, а она не отодвинулась. Так и сидела на своем подоконнике вместе с новенькой.

Макс предпочел тереться рядом с ними, на что Полина закатила глаза и предложила не приглашать его на вечеринки. Беда в том, что с этого года я добровольно отдал первенство Разумовскому, поэтому все тусы устраивает он.

Юсупову вся эта школьная дичь не сдалась так же, как и мне. Макс — Восходящая звезда класса.

Стоп, что?! Я реально сейчас подумывал наехать на Разумовского из-за Бестужевой?!

— Воронов! — Генералов орет так, что звенит в ушах, но хоть от мыслей отвлекает. — Ты что, не спал ночью?

Нет, прикиньте, не спал.

Вместо сна — репетиция извинений. Я собирался пойти

на мировую, да. Я полгода репетировал чертову речь со словом «прости»! Я собирался закончить эту историю!

«Аврора, я...»

«Аврора, давай...»

Авроре не вперлись мои извинения.

Да что все мысли сводятся к ней?!

Ускоряюсь, бью по мячу с такой силой, что отскок от пола оглушает зал. Прохожу между защитниками, пасую на ходу Юсупову — идеально в руки.

Новенький центровой — Влад из параллели, — смотрит на меня как на психа. Десятиклассники — пятеро новых ребят для смен — застыли с открытыми ртами.

— Мастер-класс окончен! — кричу им, чтоб перестали таращиться.

Второе упражнение: штрафные.

Мяч снова в моих руках.

Она делает вид, что изменилась. Фальшивый цвет глаз, фальшивые крашенные волосы, фальшивые попытки выглядеть не трусихой.

Аврора спряталась. Как, впрочем, и *в тот раз.* Потребовалось много лет, но я убедился: Ава может только прятаться.

Бросок. Мяч пролетает мимо. Соколов ржет как конь.

— Так, может, все же в чирлидеры? За что тебя взяли в «Легион»?

Не отвечаю. Сжимаю кулаки, пока ногти не впиваются в

ладони.

Третье: игра на вылет.

Тренер ставит меня против Глеба. Наконец маячит возможность выплеснуть раздражение.

— Давай, Воронов, покажи, на что способен, —глумится друг-идиот.

Жду свистка из последних сил.

Полина со стайкой старшеклассниц, переодетых в форму для тренировок, дефилирует мимо нас в сторону матов, по-дурацки подмигивая и тряся бело-голубым пипидастром, будто мы о чем-то с ней договорились.

— Вперед, касатики! — сладким голоском тянет одна из близняшек (Оля? Лена? До сих пор не понимаю, как их вообще различают).

— Эй! — голос Макса за спиной. — Девчонки, вы не думали, что пора расширить состав? Готов подогнать вам одну конфетку в компанию! Она еще и умная, даст списать!

Максим никогда не умел держать рот на замке, а я… Я не особо хорошо справляюсь с негативными эмоциями.

— Разумовский! — бас тренера звучит одновременно со взрывом злости в моей голове.

Я не думаю. Просто бью. Того, кто рядом, того, кто ближе. Локтем в ребра — Глеб кряхтит. Отталкиваю его, вырываю мяч, лечу к кольцу.

Прыжок.

Удар.

Ес!

Ладонь сталкивается со щитом с таким треском, что кольцо дрожит. Я наклоняюсь, упираюсь руками в колени и пытаюсь восстановить дыхание, глядя в лакированный пол школьного спортзала.

Тишина на минуту оглушает всех. Даже девчонки затормозили. Так и замерли вокруг матов.

— Все, Воронов, на выход! — кажется, я заколебал сегодня физрука, но плевать. — Будешь показывать свои психи в другом месте!

Не спорю. Просто машу всем и иду к двери.

Генералов явно недоволен, что не может влепить мне неуд: в выпускном классе нет физры. А вот доложить предкам, что спустя полгода адекватного поведения я снова творю черт знает что, он точно может.

К черту.

К черту школу. К черту сегодняшние сплетни. К черту ботаничку.

Переодеваюсь за пару минут, хватаю спортивную сумку и ухожу.

Хочу выбить из головы жужжащие на подкорке мысли о том, что был идиотом, раз решил забыть прошлое и извиниться. Хотел, да. А потом… Затупил, когда она утром прошла к кабинету, уверенно держа спину. Затупил, потому что обалдел от ее задранного подбородка. Какие извинения, когда она смотрела на нас, как на дерьмо?

«Я — Аврора Бестужева, а вы… просто вы».

Какое заявление!

Да какого дьявола я не могу переключиться?!

Я думал об извинениях уже несколько месяцев. Это почти превратилось в паранойю, и я думал, что свихнусь до ее возвращения. *Я готовился.*

С осени ждал ее возвращения. Нет, с августа. Возможно, даже раньше.

Ладно, окей.

Я понял, что переборщил, когда она оказалась на больничной койке с переломом.

Выхожу из гимназии на лютый мороз. Пишу водителю, чтоб не забирал. Застегиваю парку, накидываю капюшон поверх шапки и, засунув руки в карманы, иду куда глаза глядят. Телефон вибрирует, и я на ходу проверяю наш чат.

Дима:и что это было?

Макс:я всегда готов занять место, кэп. Если так достали касатики, скажи прямо, а не сваливай с тренировок с психом.

Глеб:вы две мамочки-наседки, серьезно.

Макс:завали.

Глеб: а то что?) Не позовешь меня на вечеринку, златовласка?

Дима:брейк. Тренер просит выйти из раздевалки и продолжить занятие. @Воронов, ждем тебя на следующей трене. Проветрись.

Филипп:Юсупов, спасибо.

Прячу телефон обратно в карман.

Не думать о том, что я до тошноты противен сам себе. Не думать о том, что я — слабохарактерное нечто в маске шута.

Иду вдоль Крестовского проспекта черт знает куда.

Вспышка — я снова стою посреди гостиной, взбешенный словами отца.

Для тех, кто хочет узнавать новости раньше, наслаждаться артами, видео и закулисными диалогами, мой ТГ "твой автор, Лисса Джонс"

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 6. Из-за тебя

Филипп

Прошлый год

— Это полная дичь! Ничего отстойне…

— Как ты разговариваешь с матерью?!

Отец впервые за семнадцать лет настолько взбешен моим поведением. Нет, последний год он периодически строил из себя праведника и пытался взять меня на контроль, но сегодня…

—Ты проведешь смену в лагере для кадетов. Если не поможет, две смены. — мать лучше папаши умеет держать лицо, но и ее руки сжаты в кулаки, а зеленые глаза мечут молнии. — Это уже не шутки, Филипп! Ты хоть представляешь, что я чувствовала, когда Василиса пришла к нам со слезами на глазах! Когда я узнала, что ты под угрозой отчисления!

О боже! Снова! Из-за ерунды раздули целый скандал!

— Вы че, наслушались историй психбольной? Да она наврала и матери своей, и директрисе!

Черт, сопливая стукачка! Да я и пальцем ее не тронул!

— Я шутил! Прикольнулся! Из-за этой дуры запихнете меня в тюрьму, да?! Из-за их ботанички отправите меня подальше от дома?!

— Прикольнулся, Филипп? — медленно переспрашивает папа. — Процитируй.

— Пап…

Он хочет, чтобы я сказал это при маме? Серьезно?

— Вперед. Расскажи нам эту веселую шутку, которую Аврора не оценила по достоинству.

Наши взгляды сталкиваются. Мы с отцом — две капли воды.Вмиг осознаю: он ждет, что я скажу им то, что сказал ей.

— Кирилл… — голос мамы дрожит.

— Нет, пусть скажет.

На слабо берешь, пап? Очень зря.

— Я предложил ей опуститься предо мной на колени, — тихо, сквозь зубы, но отчетливо.

— Не слышу.

Окей. Скажу погромче. Слово в слово.

— Я предложил ей встать на колени передо мной в туалете, раз уж ей сняли брекеты. При всем классе.

Мать с шумным выдохом закрывает глаза. Челюсть отца сжимается.

— И тебя ничего не смущает?

Что они хотят от меня услышать? Что я сожалею, что мне стыдно, что я... Нет, мне не стыдно. Я не тронул их драгоценную дочку друзей, мы просто обменялись любезностями. Ее способность становиться центром внимания глупых шуток и неспособность им противостоять — не моя забота.

Мне давно уже пора сваливать: мы с парнями договорились встретить первую ночь лета в пентхаусе Макса. Из на-

шего пригорода без водителя до центра пилить и пилить.

— Ты поедешь в этот лагерь. А если не одумаешься, будешь заканчивать не гимназию, а военную академию. — Выносит вердикт отец, совладавший с гневом. — Подумаешь там о жизни и о том, что ты от нее хочешь, раз дома тебе не думается.

Вот как. Мой отец решил встать на сторону доченьки лучшего друга, а не родного сына. При том, что — я уверен на все сто —— он был таким же.

— Прекрасно! — я чувствую тот же гнев, что минуту назад легко считал во взгляде отца. — Поздравляю! Ты стал как дед! Спорим, когда он упекал тебя в тюрьму, говорил то же самое?

Мама окончательно теряет дар речи. Дед — одно из малочисленных табу в нашей семье. Папа откидывается на спинку стула, глядя на меня.

— Отлично, попытка хорошая. Но я не изменю решение. В этом году ты стал неуправляем. Это финал, капитан.

Клянусь, я готов разнести гостиную. Запустить мячом в окно уж точно.

— Скажи ему, мам! Это последние летние каникулы в моей жизни!

—Я не таким молодым человеком тебя растила.

— Знаете, что?! Зашибись! — подхватываю рюкзак, валяющийся у дивана, и закидываю на плечо. — С удовольствием три месяца не буду смотреть на ваши лицемерные рожи!

Дверь хлопает за спиной с таким грохотом, что, кажется, обвалилась штукатурка. Я мчусь вперед, ослепленный яростью, и врезаюсь во что-то мягкое, пахнущее сладкой ватой.

Ты.

Маленькая доносчица.

Она шарахается, будто я — чумной. Глаза за очками — круглые, испуганные.

А меня клинит от одного ее вида.

— О, кака-а-ая встреча! — Голос хриплый, будто я пробежал кросс. — Мисс «я расскажу все мамочке и папочке».

Она делает небольшой шаг назад. Я — размашистый вперед.

— Дай пройти… — Дрожащий шепот едва слышен.

Мне хочется задушить ее, и сила желания ослепляет. Я зол на отца, мать, тупоголового Глеба, подначивавшего подшутить последний раз в году. Зол на нее, осмелившуюся сегодня открыть рот на Соколова и все усугубить. Она сама спровоцировала это.

— Почему надо было отвечать ему?! Почему надо было реветь, а?! — рычу. Голос вибрирует, как перегретый мотор. — Что ужасного было в замазке на пиджаке?! Что страшного было в пустых словах?!

— Мне нужно домо…

— Из-за твоего стукачества меня закроют в военке! — Баста. Срываюсь на крик. — Без телефона, тусовок и баскета! Я буду ходить по струнке! Из-за тебя!

— Я не говорила… Так получилось…

Лгунья.

Хватаю ее за локоть — тонкий, хрупкий. Другой рукой она прижимает к груди какие-то тетрадки.

— Знаешь, что? Ты заварила — ты и расхлебывай! Вперед и с песней.

Ее кожа под моими пальцами покрылась мурашками. Холодная и такая нежная, что точно синяк останется. Плевать.

— Куда?

— Будешь всем рассказывать, как я «искренне извинялся».

— Не буду. — Она вся сжимается, смотрит вниз, но голос неожиданно крепнет. — Я не буду врать.

— Чего?!

— Может, тебе действительно стоит побывать в том лагере. Подумаешь, почему все твои шутки — за чужой счет. За счет тех, кто слабее.

«За счет тех, кто слабее».

От ее намека красная пелена ярости застилает глаза. Я резко дергаю девчонку к дому, она спотыкается, но упирается.

— Пусти!

Я же могу дернуть сильнее. Могу заставить ее замолчать. Могу…

— Отпусти, Филипп!

— Да пожалуйста! — резко отпускаю и неосознанно тол-

каю.

Она падает назад, на асфальт. Кричит.

Кроваво-красное марево на глазах тает. И я вижу…все. Я вижу ее. Себя.

Нас. Повзрослевших.

Папка с бумагами разлетается, листы застилают асфальт, как белые перья. Я, тяжело дыша, стою над девчонкой, сжимаю кулаки.

Ну просто ангел и демон во плоти.

Она плачет. Прижимает локоть к телу и плачет. Очки сползают на кончик носа, она судорожно их поправляет и снова хватается за поврежденную руку. Черт. Локоть – хрупкая штуковина.

— Ава… — не знаю, что сказать. Что делать? — Давай я помо…

— Уйди! — отползает от меня по асфальту. — Оставь меня в покое!

Нужно наклониться и помочь. Нужно собрать ее бумажки, позвонить в «Скорую» или родителям, но я стою столбом и смотрю на трясущуюся от боли и слез девчонку, которую когда-то защищал от таких же ублюдков, каким стал сам.

Когда-то это все уже было. Только у нее был я.

— Ава…

— Я ничего тебе не сделала! — Всхлипывает.

— Черт… — выдыхаю, отступаю. Запускаю пальцы в волосы, сжимаю пряди. Ощущение, что мне дали по башке би-

той. Судя по шуму, к нам бежит кто-то из соседнего дома.

— Уходи!

И я делаю, что она просит.

Разворачиваюсь и бегу.

Быстро.

Без оглядки.

Глава 7. Адское лето

Филипп

Прошлый год. Июнь

Профильная военная смена кадетского корпуса

Я в аду.

Серые одинаковые казармы — нет, «комнаты в корпусе первого отряда». Шесть чужих рож, шесть пар носков, воняющих потом, шесть презрительных взглядов. Мое имущество — железная койка с тонким матрасом и трещащая по швам тумбочка.

Жизнь по графику без возможности шагнуть влево или вправо.

05:30 — подъем. 06:00 — плац. Мы маршируем, как заводные болванчики. 07:00 — зарядка. 08:00 — завтрак. Пресная овсянка, которую я ненавижу. Или гречка, если повезет. Или молочная лапша, если очень сильно повезет.

И так — каждый чертов день

Я ненавижу этот лагерь.

Я получаю телефон два раза в день: утром и вечером. Вижу фотки Макса: яхта, девчонки, ночные игры в баскет на площадках в парках. Фотки Юсупова: все то же самое, только еще фотки Питера. Рассветы, закаты, Невский, Финский. Словно он турист, отвечаю.

Полина спамит в личку. Безостановочный поток голосо-

вых, фоток, видосов. Кажется, она хочет «встречаться нормально». Я закатываю глаза, валяясь перед отбоем на кровати. Блокирую телефон, не желая больше видеть довольные рожи друзей.

Да и с Полиной не хочу… ничего.

Встречаться с Вильской точно не собираюсь, потому что, клянусь, она способна вынести мозг даже мертвому. Но сейчас меня меньше всего заботят сообщения от нее. Я впервые в жизни чувствую себя… не в своей тарелке.

Одиноким?

Если мне не с кем поговорить, это одиночество? Если кроет чувство, что меня выбросили за борт, тогда как жизнь продолжает идти своим ходом?

Я даже не знаю, как зовут соседей по комнате. Просто в первый день не счел нужным запоминать. Я для них — залетный богатенький мальчик, которого папаша запихнул сюда для наказания. Они не трогают меня, я — их. Нам взаимно наплевать.

Но я был бы не против… Не знаю. Затусить с ними? Звучит смешно. Местные — не Димас или Макс, но… Окей. Я был бы не против поболтать с кем-то. Мне даже жаль, что я не потрудился запомнить имя хоть одного из них.

А вообще… На самом деле все, о чем мечтаю прямо сейчас — взять мяч и выйти на плац.

Не могу без баскета. Как без воздуха.

***

К концу первой недели до меня доходит: я сильно поругался с родителями. Реально сильно.

Наговорил им столько дерьма, что уверен — они не приедут в субботу. Я сужу по себе — я бы точно не приехал к такому сынку. Уверен, они все еще бесятся из-за моих слов. Че я там нес?

«Ваши лицемерное рожи… Это полное дерьмо… Ненавижу».

Сожалею о том, что мен понесло при матери.

Я стал выше мамы еще в классе восьмом. В девятом мог спокойно поднять ее на руки. В десятом вообще потерял ощущение того, что рядом со мной мама. Иногда люди думают, что мама — старшая сестра.

Я всегда знал, что, если кто-то посмеет ее обидеть, я убью его. Думаю, у меня это от отца. Думаю, во мне вообще почти все от отца.

Это странно. Временами будто смотрю в зеркало и вижу себя в будущем. Те же темно-карие глаза, тот же цвет волос, почти тот высокий рост, хотя я уже выше на пару сантиметров. Те же черты лица. Тот же шумный, буйный характер. Да, тот же нрав, так что отец сто процентов не приедет в гости.

Утро субботы я живу в полной уверенности, что предков не увижу еще пару недель. Но меня, как и всех, навещает отец. С моим любимым мячом, на котором красуется автограф Андрея Кириленко.

А я стою как истукан, не веря своим глазам, когда папа

проходит КПП, и, широко улыбаясь, крепко обнимает.

***

Июньская жара накрывает лес тягучим маревом. В лагере, расположенном в сосновом бору, много тени — это спасает от духоты. В городе сегодня наверняка пекло.

— Полегче, капитан, — негромкий голос папы совсем не злой. — Ты похож на голодающего.

Мы сидим на скамейке далеко от основного корпуса. Я вгрызаюсь в шавуху, привезенную отцом.

— Так и есть вообще-то. Я голодаю, — сказать внятно не удается, но папа понимает.

— Я видел меню, Фил. У вас пятиразовое сбалансированное питание.

Папа протягивает пачку салфеток и холодную банку газировки. Черт, рай посреди ада. Я дожевываю, вытираюсь и наконец-то могу сказать членораздельно:

— Дело в не в том, что оно пятиразовое, а в том, что оно жесть какое правильное.

Папа в льняных шортах и легкой бежевой рубашке. Он лениво крутит в руках мой мяч, искоса на меня поглядывая. Будто ждет чего-то.

— Да уж, трагедия, — кривая улыбка Кирилла Воронова отражается на моем лице.

Раньше я не особо парился над благодарностями, считая, что предки обязаны мне, как своему ребенку, но сейчас… Ну, он мог бы не привозить шаверму, так ведь? Но привез.

— Спасибо, — звучит криво, но папа улыбается шире, глядя на меня.

— Как дела? — мяч летит мне в руки. Легко ловлю. Пальцы касаются рельефного материала, и табун мурашек по спине ползет от соприкосновения кожи и резины.

— Лучше всех, — усмехаясь, откидываюсь на лавку и перебрасываю мяч из руки в руку. — Я не играю, ем каши и пресные салаты, пропускаю все летние тусы.

— Филипп. Как у тебя дела здесь?

— А что здесь? Здесь временное пристанище. Мне на них плевать. Ты думал, я за неделю найду себе друзей на всю жизнь?

Мы оба молчим, слушая шум леса и крики вожатых где-то вдали.

— Не хочешь спросить, как мама и почему ее нет?

Мяч едва не падает на землю, я быстро ловлю его и кладу рядом с собой.

— Да. Да хочу, просто… прости. — Не пойму, за что именно извиняюсь, но выходит само. И уже не так неловко. Звучит очень правильно.

Папа молчаливо вскидывает бровь и ждет.

А, ну да. Я ведь так и не спросил.

— Как мама? — делаю вид, что недоволен, но улыбаюсь.

— Мама часто сидит с Авророй.

Блин, он меня сделал. Подвел-таки к этой теме.

— Оу. А…ну…

— Потрясающая формулировка. Почему мама так делает? Или что с Авой?

С одной стороны, меня немного раздражает, что он меня подталкивает как дебила. С другой — я благодарен ему за то, что он формулирует и озвучивает мои мысли.

— И то, и то.

Я хочу и не хочу знать одновременно. Странное ощущение. Вообще странное ощущение сковывает внутренности, когда звучит ее имя.

— Аврора сломала руку. Закрытый перелом предплечья. Они с твоей мамой и Василисой Николаевной улетели на две недели в их шато. — Папа замолкает на несколько секунд, а потом продолжает гораздо тише и строже. — Аврора считает себя уродиной. Не знаешь, почему?

Мы молчим. На этот раз долго. Отец больше не дает подсказок.

— Я не… — прочищаю горло. — Это не специально. Ну, понимаешь… Я просто… Она носила очки и пластинки на зубах, и я разок сказал… Слушай, это была сдвоенная физра в восьмом классе. Оба класса подхватили. Что мне нужно было делать? Если она не может за себя постоять, вечно заикается и боится каждого шороха — это не моя вина. Понимаешь?

Я обещал ей, что она узнает, какого это —бояться панически сильно.

— Не понимаю. Я не понимаю таких, как ты, Филипп.

— Как я?

— Когда я узнал, что ты травил Аврору, я вспомнил себя.

— Во-первых, я не травил. Во-вторых... Еще бы ты не вспомнил себя. Я просто….

— Нет, Филипп. Я вспомнил себя не из-за тебя, а из-за нее.

Папа смотрит вперед, куда-то за деревья. Он выглядит расслабленным, но немного потерянным. А я не втыкаю, что за драматическая пауза.

— В начальной школе я был рыжим увальнем. Толстой задницей. Козлом отпущения.

Вот это жесть. Стойте, нет, не так. ВОТ ЭТО ЖЕСТЬ.

Нет-не-нет, батя всегда как-то скомкано рассказывал о детстве, ограничиваясь парой фраз а-ля «у меня был строгий отец, Фил» и «в лицее было трудно, у меня было мало друзей», но вот так?!

— У папаши с военной выправкой и у мамаши с царским носом — такой гадкий утенок. Дети были жестоки: меня не только оскорбляли, но и избивали. Мне было одиннадцать, когда Вик заступился. До этого момента друзей у меня не было. Я знаю, что это такое — когда кто-то плюет тебе в волосы жеваную бумагу или ворует одежду на физре. Я изменился как раз в возрасте Авроры. Лет в шестнадцать. Таким, каким ты меня знаешь, я был не с рождения.

Мой отец.

Кирилл Воронов.

Человек, которого уважает все бизнес-сообщество Петербурга, владелец сети видовых ресторанов, бывший владелец «Койота». Человек, знающий много грязных секретов местных политиков, был… слабаком?

— Ты... не дрался? — я даже заикаюсь, задавая вопрос. Потому что, ну… что значит «я был козлом отпущения»? Какого лешего?

Я не его копия?

Я всегда… Я восхищался и был уверен, что я как он.

— Убегал. Прятался. В первом классе лил слезы в туалете. Если бы мой отец узнал, что его сын слабак… — папа резко замолкает, обрывая себя на полуслове.

Он выдыхает, а я тупо молчу. Я редко вижу отца таким — без обезоруживающей улыбки. Не «располагающим к себе Кириллом Вороновым», а каким-то сломанным. Другим.

Когда папа переводит тяжелый взгляд на меня, клянусь, у меня мурашки в тридцатиградусную жару по рукам ползут. У меня. Мурашки.

— Когда я узнал подробности о твоем поведении, я вспомнил себя на месте Авроры, а не на твоем.

Я стал тем, кого он ненавидел. Я мечтал быть как он, а стал его противоположностью. Я мечтал быть как он, а стал его противоположностью.

— Пап... — начинаю, но из громкоговорителя доносится голос, оповещающий о том, что время визитов закончилось.

Глава 8. Разбитое зеркало

Филипп

После разговора с отцом хожу как пришибленный почти неделю. Меня выводит из анабиоза случай, которого со мной не должно было произойти.

Меня назначают дежурным в столовке вне отрядной очереди из-за какого-то слабака, подхватившего простуду и слившегося с дежурства. Что ж, я даже радуюсь: дополнительный день без участия в тупых играх, тихого сна и скандирования девизов отряда.

Это происходит в туалете, во время тихого часа, когда я выношу грязную воду из кухни.

Картина маслом. Старшие из моего отряда загнали какого-то пацана в туалет. Худой мальчишка с очками напоминает мне Аву, когда замираю у входа в сортир.

— Спой! — орут, тыкая ему в лицо телефоном. — Пой, давай! Пой!

Он захлебывается слезами, бормочет, что не умеет. Они ржут. А я вспоминаю, как этот пацан вчера днем в очередной игре «отряд против отряда» заработал какую-то звезду своему отряду, спев чет спев.

Мне было абсолютно фиолетово на все эти телодвижения и активности, но походу парни из моего отряда расстроились из-за проигрыша.

И вот я стою в дверях с ведром грязной воды. Пялюсь на шоу. А в башке мелькает воспоминание: я заливал корректором тетради Авроры, пока ее не выпускали из мужского туалета.

— Тебе че надо? Вали отсюда! — кричит Орлов, мой сосед по комнате, выдергивая из накатившего воспоминая в сортир.

Тупо моргаю, глядя на заплаканное табло мелкого и троих лбов с телефонами.

Плевать. Это не мое дело.

Нет. Нет!

Я не собираюсь искать здесь приключений, мне не вперлись морализаторские замечания от вожатых о драках, наказания за потасовки и вся эта дичь, но каким же отстоем я себя ощущаю, когда разворачиваюсь и молча сваливаю.

В этот вечер меня тошнит. Фигурально, но от этого не легче. Я залипаю в потолок до утра, не соображая, почему так вставило зрелище: ну прессанули мальчишку, сильнее будет.

А под утро… Мне снится сон, когда я уже не вывожу и все-таки отключаюсь.

Аврора стоит у огромных окон нашего спортзала. Я бью по ним мячом. Они трескаются, но не разбиваются. Она молчит и смотрит. Мяч в моих руках. Я собираюсь ударить еще раз. Так, чтоб стекла разлетелись на сотни осколков.

Знаю, что они ее заденут, поранят. Я прицеливаюсь…

Я просыпаюсь с ощущением, будто проглотил стекло. Ну

типа глотку царапает. Я сглатываю, морщусь, не понимаю, что за фигня творится, но решаю не думать. Просто сон, черт с ним.

Утром на построении и зарядке кадет из четвертого отряда — вообще малолетка — путается в собственных ногах, спотыкается, падает на колени, а рядом с ним такой же малолетка с ухмылкой стоит. Доволен как слон.

Боковым зрением я наблюдаю, как мальчишка еще пару раз шлепается на коленки и вижу подножки, толчки в спину. Оглядываюсь: да все, все это видят! Мой первый отряд ржет, не особо скрывая смех. Че, вожатый там совсем ослеп?!

И какая мне, *мне*блин разница?

Разминка заканчивается, мы дружно маршируем за вожатым шеренгой в столовку, и я теряю из виду четвертый отряд. Пялюсь с затылок идущего впереди Орлова и зачем-то вспоминаю, как кричал Авроре в лицо, когда она на физре спотыкалась: *«Ты даже ходить не умеешь!»*

Меня снова тошнит, но уже не фигурально, а натурально. Обнимая толчок после завтрака, я мысленно матерю этот проклятый лагерь с его пресной жратвой. Мне тошнит от их еды. Исключительно от еды.

Да?

***

Спустя пару дней я сам вызываюсь стать дежурным в столовке: лучше бегать по просьбам поваров и собирать тарелки со столов, чем в очередной раз соблюдать навязанный гра-

фик и делать вид, что мне интересны тупые игры и скандирование речёвок.

В обед за столом я замечаю перешептывания Орлова с дружком, имя и фамилию которого я не удосужился даже запомнить, и задаюсь вопросом: а учителя в гимназии вообще понимали, че происходит?

Раздражение от чертового лагеря, воспоминаний, бездарно потерянного лета зудит под кожей уже несколько дней, и, клянусь, я собирался тихо-мирно тут отсидеться и выйти, но… Ну шанс выплеснуть его сам вырисовывается передо мной.

Орлов и его шавка-дружок с телефоном снова прессуют того самого очкарика, а пацан прикрывает лицо рукой. Вижу, что рукав его кофты в крови, и кровь струйкой течет из носа. Это уже слишком.

— Отвали от него, — я захожу в туалет и спокойно произношу, обращаясь к Орлову.

— Слушай, мажорчик, не лезь. Он стукач, ясно? — отвечает Орлов, а его дружок активно кивает, пока мелкий жмется еще сильнее к стене.

«Ты стукачка, Аврора», — звучит моя же фразочка в голове. Мы тогда всем классом сбегали с урока, а Ава с нами не с валила, попалась училке и сдала. Кажется, это было лет сто назад.

— Сказал же. Отвали от него, — цежу сквозь зубы, подходя ближе к придурку, не глядя на ноющего паренька. Мне

плевать на него, просто… Это всего лишь способ выпустить пар.

И когда мы стоит друг напротив друга, когда Орлов показывает мне средний палец, я с довольной улыбкой выплескиваю ведро с грязной водой прямо на идиотов, наслаждаясь секундным онемением, мокрыми лицами и их шоком.

— Беги давай, — только подмигиваю мелкому, бросаю ведро, и сортир оглушает вопль Орлова.

—Ты совсем берега попутал, мажорчик?! – он кидается на меня с кулаками, первый удар точно в челюсть, я не успеваю увернуться, пру как танк.

Хватаю его за грудки, мы валимся на пол, но я выше, сильнее, у Орлова нет шансов, я прижимаю его к плитке, а его дружок даже не пытается нас разнять. Только хлопает дверью, сбегая следом за мелким.

— Ты, блин, псих! — орет Орлов, пытаясь вырваться. — Тебя же выпрут!

— Какая жалость! — я наклоняюсь к его лицу, чувствуя, как кровь с разбитой губы капает на плитку.

Он дергается, пытается ударить коленом, но я прижимаю его сильнее, а дверь с грохотом распахивается.

— Отошел от него! — бас вожатого разрезает воздух.

Я не сразу отпускаю. Руки сами не разжимаются. Орлов хрипит. Я смотрю на него сверху вниз и вижу только его выпученные глаза и мокрые волосы.

— Воронов! Я кому сказал?! — вожатый хватает меня за

плечо и оттаскивает назад.

***

Драки в лагере – дело наказуемое. Мелкий пацан быстро привел вожатого, нас с Орловым заставили сначала отжиматься, а после убирать территорию. Благо, хоть в разных корпусах, а то мы бы снова сцепились.

Еще должны сообщить предкам об «инциденте», но черт с ним. Отцу я как-то смогу объяснить, почему влип в драку, прикрывшись желанием постоять за слабого, но вот поверит ли он?

Где я и где защита-то?

А еще я чую, что не надрался. Без тренировок по баскету физически плохо, мне некуда выплеснуть энергию, а местные зарядки по утрам – чушь собачья.

Забив на уборку, дремлю на лавке на спортплощадке, рядом со скамейкой – метелка дворника. Зашибись, блин. Интересно, Орлов выскажет дружку за кидалово?

— Тебе помочь? — раздается писклявый голосок сбоку, и, открыв глаза, вижу перед собой бедового мальчишку в очках. Тощий пацан неловко мнется напротив, глядит себе под ноги.

Себе бы помог.

Но вслух я ему так не отвечаю, снова закрываю глаза, решив, что он свалит, если я не буду проявлять желание поболтать. Только вот через пару секунд слышу подозрительный шорох.

Открываю глаза. Пацан метет асфальт спортплощадки. Зашибись. Метла больше, чем он. Не хватало еще, если он себя по лбу ей ударит. Надо бы обрадоваться, что кто-то выполнит работу за меня.

— Сюда давай, — но я встаю и забираю веник из его рук и начинаю подметать покрытие спортплощадки. А мальчишка все торчит рядом.

— Спасибо, что заступился. Меня Леша зовут.

Закатываю глаза.

— Ваня всем говорит, что побил тебя, — все никак не свалит в закат. Так. Че мне с ним делать?

— А еще Ваня тебя боится. Я слышал, как он говорил Никите, что тебя к нам в лагерь взяли по блату.

Продолжаю мести, а Леша прям таки полон энтузиазма, крутится рядом.

- Тебе тут не нравится? Ты ни с кем не дружишь. Я видел, ты всегда один. Ты не похож на кадета. Нам нельзя прокалывать уши.

— Че ты до меня докопался? Иди… — язык не поворачивается послать лесом, — куда-нибудь к своим.

Какое-то время я тупо мету асфальт, пока мальчишка молча топчется рядом, а потом он как-то совсем уж убито выдает:

— Я просил маму купить сюда путевку. А теперь хочу домой. Надо мной все смеются, — смотрит куда-то в сторону.

Ну, блин. Я вот прям не тот, к кому стоит идти с подом-

ными проблемами, серьезно. Сам не знаю, зачем раздраженно бросаю ответ.

— Сделай что-то, чтоб не смеялись.

— Я не такой сильный, как ты. И крутой, — замечаю, с каким интересом мальчишка рассматривает мои шмотки. Красная футболка и серые шорты, но в целом я соображаю: у меня шмотье стоит дороже, чем путевка в этот ад.

Леша садится на лавку, горбится, и окей, я сдаюсь. Че я, совсем урод? Пацан мелкий, прибился по ходу после сортира, решил, что я его защищал. Бросаю снова метлу и сажусь рядом.

Без понятия как говорить с детьми. Прокашливаюсь.

— Чего они к тебе прицепились?

— Я другим отрядам не даю выиграть в конкурсе патриотической песни, - откровенно говоря я вообще не слежу за активностями в лагере, только делаю вид, поэтому не сразу понимаю, о чем он. — Мне нравится петь, я все песни знаю. У нас в конце смены награда лучшему отряду, надо звезды собирать… Они хотят, чтоб я пару дней специально им проигрывал.

Детский сад просто. Кому-то реально не плевать на такое?

— Твой отряд тоже?

— Смеются. Называют очкастой певичкой.

Какой бред. Ржать над тем, что пацан поет? Какая кому вообще разница? И очки эти… Ну очки и очки.

Очки и очки.

Гениальный вывод, Воронов. Сам-то себя узнаешь?

Раньше я бы сто процентов мог бы отпустить пару шуточек про очки, но сейчас сижу и пялюсь на пацана, ощущая какой-то мерзкий осадочек от разговора.

К черту. Вспоминаю, что в лагере можно попросить мяч. Улыбаюсь и толкаю пацана в плечо.

— В баскет играть умеешь?

Глава 9. Прошлое в прошлом

Филипп

— С победой, кэ-э-эп! — через неделю после драки снова день посещений. Макс хлопает по спине, светится как новогодняя ёлка, а я не пойму, о чем речь.

За Максом стоит и ухмыляется Димон, а мне в глаза бросаются его безупречные белые кеды. Юсупов даже в лагере посреди леса умудряется выглядеть как занудный педант.

— Привет, легионер, — он кивает, протягивая руку, я отвечаю на рукопожатие. И тут до меня доходит.

«Легионер».

Да ну нафиг! Не может быть!

— Шутите? — недоверчиво оглядываю парней, пока они с улыбками переглядываются. Дима достает телефон и разворачивает ко мне.

Официальный сайт «Легиона». Утвержденный список новых членов второго юниорского состава. Сегодняшняя обнова.

— Ты даже не проверял, да? — Разумовский улыбается широко, а я в шоке смотрю на свою фамилию.

Проверял, конечно, но телефоны нам выдают по два раза в день, да и интернет здесь ужасный. А сегодня мобильники еще не раздавали.

Мне восемнадцать будет только в декабре. Значит, роди-

тели в курсе. Они дали согласие! Определенно, это лучший день лета! Будь я на свободе, закатил бы тусу, катался бы всю ночь по Неве!

Есть у меня подозрение: предки хотели сюрприз забабахать, а я тут со своей дракой… Я, конечно, объяснил, че полез с кулаками, но кода отец на меня смотрел, я прям чуял, что он не поверил до конца в благие намерения.

Предки Орлова тоже приехали, у нас тут целый цирк был. Но как-то все порешали-замяли, нас расселили в разные комнаты.

— Мы каждое утро проверяли, — удивляет Юсупов. — Сегодня, как только списки появились, Макс напряг шофера отца. Мы к тебе сразу рванули.

— Тут еще… — Максим протягивает термосумку. — Вот короче. Типа от касатиков.

Я распаковываю — и накрывает волна безудержной, такой колоссальной радости, что сбивает с ног. Двойной бургер с беконом, картошка фри с сырном соусом, шоколадный молочный коктейль (да-да, моя слабость).

— Вы... — я даже не знаю, что сказать. Чувства бурлят хлеще, чем если бы запустили фейерверк с гидроцикла: мне эта лагерная здоровая еда в кошмарах уже снится.

Мы усаживаемся на скамейку у КПП и едим.

— Чем вас здесь кормят? — Макс откусывает половину бургера за раз, забыв обо всех правилах приличия. Отвечаю, он вытрет пальцы о свое розовое поло с дебильным принтом.

— Ты будто еще выше стал.

— Не спрашивай.

— А че за синяк на табло?

Видели бы они меня неделю назад.

— Про это тоже не стоит.

— Ты так и не сказал, за что ты тут, — Дима ест аккуратнее нас. И, как всегда, задает те вопросы, на которые я бы не хотел отвечать.

Признаться самому себе в том, что ты урод — одно дело. Рассказать парням из команды, для которых я капитан — другое. Они не поймут, почему вдруг я «размяк».

Или… Черт, правда, я не знаю. Но после того, как Леха прилип ко мне, все чаще ощущая себя отстоем. Я так и не оттолкнул пацана, а к нему вроде как перестали лезть.

— Ну… — делаю вид, что увлечен фри. — Я сказал, что у родителей лицемерные рожи.

Дима, в отличие от Макса, перестает жевать. Выпрямляется и смотрит на меня, не моргая. Завис что ли?

— Ты чего?

— И тебя просто… отправили в детский лагерь? — он опускает взгляд и бормочет. — Если б я такое отцу сказал, он бы меня прибил.

Я давно знал, что Юсупов-старший — скотина. Но не задумывался о том, что творится за закрытыми дверями их дома. В памяти всплывает момент, как папа осекся, говоря про деда. Как там было?..

Если б мой отец узнал, что его сын слабак…

Несмотря на тридцатиградусную жару, по коже пробегает мороз. Я откладываю еду на скамейку.

— Дим, слушай. Если ты… Если тебе нужно…

— Неважно. Забей.

— Так, чет вы приуныли, — Максим отряхивает белые шорты и встает. — Может, послать водителя за девчонками для веселья?

— А он предкам не спалит?

— Я на лето к отцу переезжаю же, — он пожимает плечами и бросает взгляд на припаркованный белый «Порш». Голос сочится ядом. — Он мне водилу выдал, а сам на меня плевал с высокой колокольни. У него новая любовница, с прицепом. Они свадьбу, кстати, собираются играть. Так что поздравьте, у меня будет сестра!

Я киваю. Не могу выдавить ни слова. Ощущая стыд за то, что мои предки на фоне выглядят просто идеальными. Да не. Они у меня реально идеальные.

Мы уламываем руководителя смены пустить нас покидать мяч на старой площадке. К нам просится Леха. Играет он отстойно, но я взял его в свою команду. У Димаса и Макса нет шансов — за лето они расслабились.

Только когда смеркает, ребята уходят, на прощание машут мне из машины. Стою со стаканом коктейля в руках и понимаю — мы настоящая команда.

Не брошу «Касаток» ради «Легиона». Вывезу год за две

команды. А пацаненок смотрит на меня глазами, полными обожания, и просит научить играть.

***

Наши дни

Парк. Поздний вечер.

Прихожу в себя, как после нокаута — медленно, болезненно. Губы дрожат, пальцы посинели от холода, но в голове — ясность, которой не было месяцами. Ясность, которой не было до возвращения Авы.

Я — Филипп Воронов. Будущий атакующий защитник «Легиона». Капитан «Касаток» — тех самых, что разорвали соперников в финале кубка школ. Выпускник, у которого вся жизнь впереди.

Я больше не злюсь на нее. Я не храню сопливую обиду и не взращиваю в себе ненависть. То, что произошло в детстве, пусть там и останется. Настало время двигаться дальше.

Она абсолютно мне безразлична. Пусть делает что хочет. Я сказал ее отцу, что извинюсь и больше не трону ее. Я обещал своему отцу и директрисе, что не подойду к Авроре.

Только вот при воспоминании о том, как Разумовский подкатил к Авроре, меня прошибает такая злость, что хочется проломить ему башку.

Глава 10. Ее маленькая тайна

Аврора

Горячий шоколад тает во рту. На планшете мелькает китайская дорамы о мести, любви и кулинарии с субтитрами. На столе потрескивает свечка с ароматом сладкой ваты.

Я пишу конспекты по китайскому для последнего школьного проекта. Выделяю маркерами основные блоки, приклеиваю цветные стикеры к страницам.

Январь, который еще недавно пугал до чертиков, прошел слишком быстро. За окном воет метель. Но дома у меня спокойно.

Спокойно не так, как в Китае — там я весь семестр провела в оцепенении, страшась того дня, когда придется вернуться. Теперь чувствую настоящее спокойствие.

Месяц прошел умиротворенно. После того случая у парты Филипп больше не подходил, не пытался задеть, высмеять или унизить. Они с Юсуповым вообще ведут себя так, будто им не интересна школьная жизнь. Часто пропадают на переменах.

Мама сказала, что Филу запрещено ко мне подходить.

После прошлогоднего скандала пошли слухи о буллинге в элитной школе. Нет, избиений, жестких разборок или чего-то подобного у нас не было, потому что детки богатых родителей считают применение физической силы маргиналь-

ным способом выяснения отношений. Нас учат показывать свое превосходство по-другому.

Дети из младших классов стали рассказывать родителям о бойкотах и травле. Это нанесло ущерб репутации «Альмы»: теперь в коридорах установили камеры. Кабинеты тоже постепенно оснащают.

Филу грозило отчисление. Директриса и Кирилл Андреевич запретили ему контактировать со мной во время учебы — это его условие пребывания в «Альме».

Порой чувствую на себе его взгляд. Иногда тайком оборачиваюсь и вижу, как он просверливает дыру в моей спине. Одному дьяволу известно, что творится в этой рыжей голове.

Но больше Фила не слышно и не видно. Его место занял Разумовский. Максим вообще в этом году звезда выпускных классов. Он счел своим долгом «социализировать двух заучек», а потому постоянно зовет нас с Сашей на свои тусовки.

Саша как-то сказала, что хотела бы побывать на одной из вечеринок. Я была не против - пусть идет, если хочет. Но она ответила, что не может. Я пыталась узнать, почему, но она отмахнулась и больше разговор об этом не заводила.

Саша Абрамова — взрывной коктейль контрастов. Она смелая, бойкая, но… Иногда замечаю, как она как будто зависает. Смотрит в одну точку. Она избегает разговоров о семье, сколько бы я не пыталась узнавать ее ближе.

Без понятия, зачем ей я, но бесконечно благодарна все-

ленной, что Саша рядом. Надеюсь, она со временем оттает. Я попытаюсь ей помочь.

Но в любой бочке меда есть ложка дегтя: насмешки со стороны Полины и анонимные записки никуда не пропали. И если Полине я учусь отвечать (а Саша учится сдерживаться и не лезть к ней с угрозами вырвать волосы), то послания от таинственного незнакомца становятся все более тревожными.

«Жаль, что вернулась из Китая, крыса. Нам всем было кайфово без тебя».

«Ты действительно думаешь, что, сняв очки, перестала быть уродиной? Смешно. Ты — невзрачная крыса. Жаль, я больше не могу сказать тебе это в лицо. Но, возможно, если ты подойдешь ко мне первая.… Буду ждать».

Содержание записок становилось все более ненормальным, но в классе никто открыто меня не травил. Даже Полина с ее колкостями проезжалась по мне как-то безобидно.

Я не хочу верю, что Воронов пугает меня анонимками. Но когда-то я не верила, что он может быть моим врагом. Фил показал, какой наивной дурочкой я была. Опасно верить в хорошее и светлое в человеке.

Если это снова Филипп… Клянусь, он пожалеет. Ни один парень больше не тронет меня. Не посмеет напугать.

Заканчиваю домашку, и все школьные разборки отступают на второй план. Меняю очки на линзы. Завтра занятие по вокалу. Хочу предложить Марии Федоровне кое-что совер-

шенно новое.

Мою первую собственную песню.

Я вожусь с кольцевой лампой дольше, чем планировала. Метель за окном стихает. Вечер плавно перетекает в ночь. Комната погружена в теплый полумрак. Мягкий свет ночника освещает спальню, книжные шкафы, синтезатор и меня.

Ставлю телефон на штатив и включаю камеру. Экран загорается.

Все хорошо. Это просто репетиция. Никто не увидит.

Оглаживаю шелковую золотистую майку от пижамы, прохожусь пальцами по цепочке с подвеской в форме замочка. В своей голове выгляжу по-домашнему мило. Можно начинать.

— Ты уйдешь — мой мир расколется

Напополам.

Блин. Первая же нота звучит слишком ненатурально — будто чужой голос. ДА и я выгляжу слишком напряженной. А еще слишком бледной. И вообще какой-то неказистой.

Удаляю.

Так, ладно. Я всегда смогу использовать эффекты и цветокоррекцию для внешности, а с голосом… Просто нужно расслабиться.

Подхожу к синтезатору ближе. Нажимаю на запись и смотрю на клавиши. Может, это что-то не надрывное? Лиричное и нежное?

— Ты уйдешь — мой мир расколется

Напополам.

Я останусь в темной комнате,

Где эхо твердит "Он все еще там..."
Не смотри в телефон. Пой дальше.
— Ты уйдешь — и в рамке фото

Станет синим, как лед.

Я научусь дышать медленно,

Но только наоборот...
Все, стоп!

Тянусь к камере, кликаю на красный кружок, снимаю телефон с крепежа. Волнительно. Запускаю запись и… Черт. Это ужасно. Это я?

Неуклюжая, зажатая.

Медленно выдыхаю, пытаясь объяснить себе, что с первого раза глупо ждать безупречного результата. До конкурса несколько месяцев, успею подготовиться.

Приходят сообщения от Матвея. Телефон вибрирует, только вместо проверки писем я подхожу к окну. Хочется удариться лбом о стекло —и кто запретит? Легонько бьюсь

головой, повторяя сотый раз за месяц:

—Ты не уродина. Ты не уродина. Ты не уродина. Ты не ур… —мойшепот обрывается на полуслове.

Алая парка горит в темноте, как сигнальный огонь.

«Джорданы» оставляют следы на снегу.

Мое сердце тревожно сжимается.

Что Фил делает на улице почти в полночь?

Несколько секунд я всматриваюсь из окна на его лицо, и чувствую, как от накатывающего приступа злости хочется пнуть что-нибудь. Ну, почему, почему так?! Даже уставший, он, блин, красив! Это несправедливо! Ужасно несправедливо, что такой человек, как Воронов, обладает внешностью голливудского актера!

— Ненавижу, Воронов, — беззвучно шепчу в стекло.

А мой личный ночной кошмар поднимает голову. Прямо к моему окну.

Наши взгляды сталкиваются.

По моей коже будто пускают разряд высоковольтного тока…

Но я не ныряю за штору. Ноги приросли к полу, и я стою, не двигаясь. Сердце колотится так громко, что, кажется, он слышит его стук даже там, на улице.

Ну, что так смотришь?

Почему я сама на тебя смотрю?

Его губы приоткрываются, и облако пара вылетает от выдоха. Наверное, мне мерещится, но Фил как будто что-то го-

ворит.

Тонкое стекло моего окна в миг потеет. И пусть годы ядовитой ненависти никуда не делись, но в этот момент… Моя память «услужливо» подсовывает другого Фила.

Глава 11. Мой лучший друг – мой худший враг

Аврора
Лето после окончания 4 класса

На старой детской площадке пахнет горячим асфальтом, травой и морем, до которого можно добежать на перегонки.

Так пахнет только тут, на юге. Вдалеке виднеется отель родителей — огромный, белоснежный, с золотыми окнами.

Мы сидим на старой ржавой карусели, болтая ногами.

— Я тебя сделал!

Рыжий мальчишка рядом со мной подпрыгивает и торжествующе тычет пальцем в тающее эскимо. Его глаза — горячий шоколад с золотыми крошечными искрами — горят озорством.

Я фыркаю, стараясь быстрее съесть мороженое. Сладкие капли стекают на ладонь, оставляя липкие дорожки. На белом платье, в котором мама велела вести себя прилично, виднеются травяные пятна: мы с Филом только что носились по площадке, играя в футбол пустой банкой из-под «Колы», и пару раз оба падали.

— Давай-ка помогу.

Он резко наклоняется и, прежде чем я успеваю среагировать, его зубы впиваются в мое эскимо, оставляя кривой полукруг. Я заливаюсь смехом и толкаю Фила в плечо, а он вытирает подбородок рукавом белой рубашки.

— Фу. Как ты это ешь? Почему не шоколадное?

Я показываю язык.

— Потому что шоколадное — гадость!

Нас точно будут ругать: его брюки порваны на коленке, а ладонь вся в царапинах после того, как он помогал мне залезть на старое дерево у ограды. Родители предупреждали: «Будьте аккуратны, вас ждет ужин с гостями», но, когда Фил схватил меня за руку и прошептал: «Давай сбежим».

— Ты видишь? — он внезапно указывает в небо. — Облако как дракон!

Я щурюсь, пытаясь разглядеть, но вижу только бесформенное пятно.

— Ты как всегда выдумываешь, — не вижу дракона, но улыбаюсь. Фил поворачивается ко мне.

— Зато со мной не скучно.

В этот момент понимаю: когда Фил рядом, мир становится ярче. Обретает ясность, которую я сама почему-то теряю.

—Смотри, Ава. Мяч! — Фил указывает в сторону старого футбольного мяча под лавочкой. Покрытый трещинами, с облезлым узором. Ну, точно ждал нас.

Фил срывается со скамейки, как торнадо, и через секунду

уже крутит мяч на пальце, гордый, как циркач.

— Смотри, он не сдут! Сыграем?

Я морщу нос.

— Опять хочешь выиграть?

У меня всегда получалось хуже — мяч то улетал в кусты, то бил мне по коленкам. Но Фил вдруг становится серьезным, как папа, когда что-то тихо говорит маме и подходит так близко, что я вижу крапинки в шоколадных глазах.

—Мне все равно, кто победит.

Он говорит тихо, будто это страшный секрет. Пальцы сжимают мое запястье — липкое от эскимо.

—Давай, Ава. Я поддамся.

Фил ненавидит быть проигравшим — я точно это знаю.

Почему-то мое детское сердце стучит быстрее, как на уроках, когда вызывают к доске. Я не люблю отвечать перед всем классом у доски. Но сейчас мне приятно. Не страшно.

Мы идем к трансформаторной будке, и Фил показывает на облупленную стену, где висит пожелтевшая листовка.

— Вон туда бить будем.

Я щурюсь, пытаясь вернуть листовке четкость, но не понимаю... Она расплывчатая. Либо это из-за яркого солнца, либо я стала видеть хуже. Пора признаться маме, что в этом году я не видела ничего со свой третьей парты, но я оттягивала этот момент до конца лета: мы все равно перед школой пойдем по врачам.

— Давай поближе подойдем?

— Не видишь? — брови Фила съезжаются к переносице. Я кусаю губу. Стыдно признаться.

— Расплывается.

Фил берет мою ладонь и прижимает к ней мяч: теперь мячик в моих руках, а в его руках — мои руки.

— Эй, не бойся. Мы же вместе, — в этот момент его улыбка светится ярче, чем полуденное южное солнце. — Все будет хорошо.

Каникулы в мамином отеле были одними из самых счастливых моментов моей жизни. Мы тогда закончили начальную школу бок о бок, впереди маячил пятый класс, но наше лето, казалось, не закончится никогда.

Если бы я знала, к чему приведет его желание поиграть, ни за что на свете не согласилась бы. Но тогда я просто поверила в его слова. Поверила, что рядом с ним мне нечего бояться.

Фил сдержал слово, но дорого за него заплатил.

Встряхнув головой, я возвращаюсь в реальность. Застываю, глядя на то, как лихо водитель залетает на парковку. Дядя Женя выходит, они с Филом жмут друг другу руки и перекидываются парой фраз. Выглядит это странно. Перед тем, как зайти в дом, Фил поднимает голову, снова смотрит в мое окно и хмурится.

Я резко задергиваю штору, подарив ему напоследок ядовитую улыбку.

Я знаю, что видела, Фил. Ты делаешь вид, что приехал домой к полуночи с водителем. Ты лжешь родителям. И если это ты подбрасываешь мне записки, то тебе сильно не повезло. Я больше не буду молчать.

***

Ночью меня душат кошмары: гул чужих голосов, издевательский смех, оскорбления.

«Уродина».

Прозвище словно выжгли на коже, и кажется, что ни один в мире душ не смоет ненавистное клеймо.

Утро понедельника оказывается ничем не лучше ночи, потому что рейс папы перенесли на сутки из-за непогоды.

Папа и Кирилл Андреевич в сочинских горах, открывают новенькую базу отдыха. Мама показывает фотки небольших домиков в скандинавском стиле, папа присылает видео, мы фотографируем ему наши вафли с бананами и делаем селфи, где корчим рожицы.

В итоге мы с мамой жутко опаздываем. Точнее, мама опаздывает, потому что я уже в форме, а ей нужно переодеться.

Быстро надеваю пуховик и шапку, выскакиваю из дома, едва не поскальзываюсь на заледеневшем порожке. Хорошо хоть не падаю на задницу.

Блин, еще и мамина тачка в снегу, придется чистить.

Завожу ее, обхожу чтобы достать из багажника щетку, а в глаза бросается красное пятно на тротуаре.

В сугробе на противоположной стороне улицы лежит ма-

ленький кожаный картхолдер. Кредитки, водительские права… искать же будут. Все соседи в нашем коттеджном поселке знают друг друга, отдам бумажник маме.

Перебегаю дорогу, подбираю и... ЧЕРТ! ЗА ЧТО?!

Сердце начинает биться быстрее. На гимназистском пропуске красуется фото Его Величества. Воронов с фирменной наглой ухмылкой.

Первая мысль до смешного детская: закопать находку в снегу. Вторая более взрослая: отдать дяде Жене.

—Ты что тут забыла? — грубый командирский бас прямо над макушкой заставляет подпрыгнуть.

Оборачиваюсь — ну конечно! Разве могло быть иначе?

Запыхавшийся, в серых трениках, обтягивающих его дурацкие накачанные ноги. Ветровка расстегнута, несмотря на мороз, а из-под красной шапки лезут мокрые рыжие пряди. Фил вынимает крошечный наушник, из которого доносится приглушенный бит.

Он бегает зимой?! Серьезно? До какой степени нужно быть неадекватным, чтобы выходить на пробежку в минус десять?

Почему он вообще бегает, а не собирается в школу?!

Мы пялимся друг на друга минуту, пока он не вскидывает бровь.

Идиот! Бесит, бесит, бесит! От вечерней растерянности не осталось и следа. Сегодня я его просто ненавижу. Возможно, из-за того, что моя мимика на вчерашнем видео была ужас-

на, а у него даже такой банальный жест выходим каким-то…

Никаким не выходит, Ава. Он —настоящий моральный урод. Ты обещала себе вернуться и вычеркнуть его из памяти, а не ностальгировать по детству!

— Эм… — нелепо протягиваю картхолдер. — Валялся здесь.

Фил не сразу забирает, будто боится заразиться. Стоит и смотрит на свой пропуск. Идиот самовлюбленный.

Только когда его пальцы скользят по моей ладони — я резко отдергиваю руку, как от огня.

Да что за утро…

Увы, вижу еще кое-что: его ресницы слиплись, как в детстве, когда мы лепили снеговика и... нет.

Он не должен напоминать мне того мальчишку. Тот мальчишка остался на заброшенной детской площадке. Его я похоронила в своих воспоминаниях тридцать первого мая прошлого года.

Почему стою как истукан? Ему запрещено выливать на меня тонны яда, а ничего хорошего ждать не стоит. Он даже «спасибо» выдавить из себя не может.

— Ладно... — делаю шаг назад, собираясь вернуться на свою сторону улицы. — Пока.

Тишина. Да с кем я вообще разговариваю?

— Ава.

Я аж чуть не икаю. Какая я ему «Ава»?!

Фил произносит мое имя так, словно хочет сказать что-то

еще, но решается не сразу. Прокашливается.

— Что у тебя с глазами? — прищуривается, делая шаг вперед. — Че с цветом? — напирает сильнее, будто ему действительно нужно знать.

Линзы. Они в разы насыщеннее моего родного голубого. Синие-синие, как море. Ну… В общем, да, такого цвета глаз в природе, может, и не бывает, иил встречается редко, но ему-то какое дело?

— Это просто линзы, — недовольно бормочу, чувствуя, как по щекам разливается жар ненужного стыда. Это не его дело, не собираюсь ничего объяснять.

Фил наклоняется, и его запах — мятная жвачка, ледяной мужской дезодорант и что-то еще, знакомое с детства, — обрушивается на меня цунами.

— Зачем? — хмурится и выглядит так, будто сейчас достанет из кармана лупу, схватит меня за подбородок и начнет рассматривать радужки. — Твой родной цвет лучше.

Ничего себе. И где только их — таких самоуверенных, — штампуют? Или ему мяч в голову прилетел? Или мозги последние отморозил?

— Если решила не прятаться, так не прячься. Очки хотя бы не скрывали… ну, тебя. А это – фальшивка.

Я буквально задыхаюсь от возмущения, желая придумать какой-нибудь остроумный ответ. Ф Фил подходит ближе. И еще. Стой, стой!

— Не подходи! — отскакиваю назад.

— Серьезно? — его взгляд бегает по моему лицу. — Какого черта?

— Аврора! — возмущенный голос мамы обрушивается на нас обоих. Ох, судя по интонации, мама в шоке от того, что я просто стою рядом с этим человеком.

Да я тоже в шоке, мамуль.

Фил отступает, его лицо снова становится непроницаемым.

— Беги, — бросает он. — А то опоздаешь.

Дорогие, пожалуйста, поддержите меня в Тикток! Канал "твой автор, Лисса Джонс" - там вас ждут оживщие герои ##

И, пожалуйста, не бойтесь оставлять комментарии, делиться переживаниями, добавлять книгу в библиотеку и просто писать автору!##

Глава 12. Его маленькая тайна

Филипп

Я приехал в гимназию ко второму уроку, нагло воспользовавшись уважительной причиной «семейные обстоятельства, смерть прабабушки, проспал из-за тревоги за маму».

К счастью, классуха не имела мой и так перегретый за последние дни мозг.

И теперь, сидя на подоконнике в окружении ребят из баскетбольной команды и Полины с ее свитой из близняшек, я верчу картхолдер и думаю про занозу с первой парты.

Кто бы был удивлен, блин. Чего я только не делал, чтобы отключить эти мысли.

Тренировки «Касаток» — два раза в неделю. Тренировки юниорского состава «Легиона» — три раза в неделю. Моя инициатива тренерства мелких пацанов — два раза в неделю.

Темп, который выдержал бы далеко не каждый. Но все мои мысли не об усталости. Кулаки который день так и чешутся начистить рожи придуркам-выпускникам «Альмы» и подпевалам десятиклассникам. И тому полудохлику, который на днях заехал за Авророй.

Щуплый студентик в пальто.

Матвей.

Она, натягивая розовый пуховик, говорила новенькой,

что за ней заедет *друг,*с которым она занимается вокалом. Подслушивать нехорошо, но я и не собирался. Просто они на всю раздевалку трещали, пока Вильская не попросила их заткнуться к чертям собачьим.

А я просто не вывожу. Не вывожу тот факт, что мне хочется втащить кому-то из-за нее!

Вчера я был так выжат после тренировки в «Легионе», что едва дошел до дома. Глупо было отказаться от водителя и тащиться сначала на метро, затем на автобусе и полчаса пешком. Но мне хотелось добить себя, не оставить сил на мысли, чтоб прийти домой и уснуть.

Не вышло. Я так и застыл, пока Ава таращилась на меня из окна.

Не понимаю, что со мной случилось. Не помню, когда последний раз чувствовал рядом с девчонкой хоть что-то, помимо желания развлечься. Вчера тело стало подводить - странно зудело в животе и под ребрами. Да и тошно мне.

Ненавижу. Может, сходить к врачу?

Ненавижу, когда тело предает. Как сердце бьется чаще, как на автомате сжимаются кулаки, и я сдерживаюсь, чтобы не… Не знаю. Чтобы не подойти к ней?

И вот, пожалуйста. Мысли снова крутятся вокруг Авы. И причины этому нет.

Я эгоистичен. Самовлюблен. Плевать хотел на тех, кто слабее.

Все это я внушал себе на протяжении десяти лет школы

и что? Что в итоге? Чувствую себя сопляком, не способным и слова ей сказать.

А еще чувствую такую проклятую, сжирающую с потрохами вину, что просто… Не вывожу. Физические нагрузки не помогают избавиться от разъедающего изнутри чувства.

Этой ночью снилось, как я впервые назвал Аву уродиной перед параллелью. Ее лицо исказилось от боли предательства. Пробуждение принесло краткое облегчение. А потом странная боль вернулась с удвоенной силой.

— Угадайте, кто в этой четверти собирается вытащить китайский из задницы? — тряся тетрадкой, к нам подходит Макс. Он так и не научился заправлять рубашку и пользоваться расческой.

Что он там про китайский ляпнул?

— Я-я-я-ясно, че ты к ней подкатывал, — тянет Глеб, подпирая плечом стенку у окна. Короткие русые волосы и бегающий взгляд Соколова особенно сильно раздражают. Хотя сегодня меня раздражает вообще все. — Я бы к нашей крысе тоже подкатил. Парни, кому еще домашка по китайскому нужна? В очередь встанем или все вместе?

Глеб и пара парней из десятого ржут. Вильская кривится, девчонки ее копируют. Юсупов сидит рядом, залипает в телефоне и головы не поднимает.

— Стоп-стоп-стоп! Бестужева занята, ищи другую шпору, придурок! — весело улыбаясь, отвечает Разумовский. — Все, вы упустили свой шанс.

— Ты просто жалок, — Полина подходит к Максу, толкает его в плечо. Пару секунд они смотрят друг на друга, после чего Вильская по-киношному откидывает волосы, резко усаживаясь между мной и Димасом.

Но мне плевать. Взгляд приклеивается к тетради Максима. Аврора помогла ему?

Картхолдер в руках горит огнем. Я закипаю за секунду. Что за… что за марафон ты затеяла, а? Макс, Глеб, студентик твой. Че за столпотворение кретиноидов вокруг?!

— Каким же ущербным надо быть, чтобы подкатить к зубриле всея гимназии ради китайского? — я ядовито усмехаюсь, глядя поочередно на Соколова и Разумовского, но все еще продолжаю сидеть. — Надеюсь, никто больше не опустится до визгов и скаканья вокруг идиоток.

Глеб опускает взгляд, в отличие от Макса.

— Ну, Бестужева в этом году ниче такая… — Разумовский смотрит на меня, пока все затыкаются. — Идиот тот, кто не заметил, что под юбкой у нее неплохая задница отросла.

Я убью его. Вот и все. Мир станет лучше. Мой мир уж точно. И всех прибью. Без причины. Просто потому, что хочу.

— Ваши предки вроде дружат, да? Ты не знаешь, че с ней в Китае сотворили, что она даже Полинке фору дает?

Полина злобно фыркает, а я подскакиваю, ведомый вспышкой ярости. В секунду прижимаю белобрысого придурка лопатками к стене, надавливаю на кадык предплечьем.

Я в этом году, может, и ушел в тень, но у всего есть границы.

— Да ладно, кэп! Я же просто выбираю побыть ущербным и залезть под юбку… Ты чего?! Фил!

— Отпусти его, — негромкий голос и крепкая ладонь на запястье приводят меня в чувство. Сам не заметил, как занес руку.

— Тебя исключат, Фил. И так ходишь по краю. А ты, — Юсупов пальцем тычет в Макса и произносит едва слышно, — хватит строить из себя клоуна.

Юсупов — голос разума в нашей компании, — как всегда прав. Мне нужно закончить гимназию и забыть обо всем, что тут происходило.

Отпускаю Максима, отступают на шаг. Говорю быстрее, чем успеваю сообразить.

— Я сказал никаких зубрил. Подойдешь к ней — больше не подойдешь ни к одному из нас. Вышвырну из команды и не пожалею. — Обвожу взглядом всех заткнувшихся, останавливаюсь на Соколове. — Относится к каждому.

***

Большая перемена закончилась, но в женском туалете напротив раковины стояла девушка.

Ее пальцы впивались в холодный край, костяшки побелели от напряжения. Губы дрожали, по щекам, несмотря на все усилия, катились слезы.

Слезы — это слабость. Слабых гнобят. Как ту заучку, над которой смеялся весь класс. И все же... Полина завидовала

Авроре.

Одноклассница могла плакать, смеяться, злиться, обижаться и даже бояться. Аврора так открыто демонстрировала эмоции, что порой Полина готова была присоединиться к любой из них.

Раньше, когда Ава тихо всхлипывала на уроках, Полине казалось, что и она могла бы заплакать. Когда Ава застенчиво смеялась вместе со всеми с выходок Макса или Фила, Полине казалось, что и ей смешно наблюдать за этими идиотами. И все же Полина не могла себе позволить быть собой.

Полина Вильская для всех окружающих была недостижимым идеалом. Обладательница густых светлых волос до лопаток, сформировавшейся фигуры и симметричного личика с пухлыми губами и слегка раскосыми глазами, она казалась людям настоящей королевой школы со стервозным характером.

Она получила титул «Мисс гимназия» в десятом классе, она создала два года назад группу поддержки «Касаток», она стала звездой модельного агентства и уже в шестнадцать блистала на Московской неделе моды. Агенты пророчили большое будущее, но родная мать в это не верила. Для матери Полина всегда была и будет недостаточно хороша.

Ни сброшенные килограммы, ни достижения в моделинге, ни отличная учеба не могли помочь Полине заслужить любовь. Но пока Полина являлась номером один в гимназии, мать гордилась ей.

Все изменилось в этом году, в январе. Аврора вернулась другой.

Аврора перестала бояться выходить к доске, браться за самые сложные рефераты. Полина знала, что Бестужева ботаничка, но из-за травли боялась лишний раз отсвечивать. И потому Полина долгое время была номером один по успеваемости среди девчонок. Она просто не боялась публичных выступлений, семинаров, конференций.

Полина спокойно выдержала бы конкуренцию, ведь школа почти закончилась, а мама сосредоточилась на выборе университета. Только парни то и дело обсуждали Аврору.

И самое ужасное — Фил тоже. Филипп Воронов, который еще вчера смеялся над Бестужевой громче всех, сегодня прижал Макса к стене за то, что тот посмел о ней говорить.

Полина сбежала.

Оля и Лена — безмозглые куклы, которых она намеренно выбрала в «подруги», стали бы задавать вопросы, на которые Полина не смогла б ответить.

Мама просто разочаруется в миллионный раз. Она и так считает, что дочь нужно посадить на диету и отправить к ненавистному репетитору ненавистного китайского. Как будто университет, диета и китайский — все, что нужно для счастья.

Слеза скатилась по щеке.

Вильская изо всех сил старалась понравиться Филу. Мама сказала, что Полине нужен парень, соответствующий ее

статусу! Она все перепробовала, но он… он смотрел либо на мяч, либо в сторону первой парты.

А Макс… Будущий сводный брат задался целью превратить ее жизнь в ад. Полина знала, зачем Максим старательно тянет Бестужеву из компании неудачников. Дело совсем не в симпатии, не в домашках, даже не в Филе.

Просто он ненавидит сестричку. Ненавидит невесту отца. Можно подумать, это Полина виновата в том, что их предки решили сыграть свадьбу! Можно подумать, она мечтает стать Разумовской!

Полина подняла голову, аккуратно стерла блестящие слезы. Открыла лежащую на раковине сумочку, чтобы достать салфетки, и нахмурилась. Сложенный вдвое лист бумаги, которого тут точно быть не должно, так и манил.

Содержание анонимки заставило Полину задержать дыхание.

«Пожалуйста, не плачь из-за Воронова. Он тебя не достоин. Обещаю, скоро все будет хорошо. Он вылетит из гимназии быстрее, чем мы ее закончим».

Кажется, кто-то точит зуб на Фила. Во что он влип на этот раз?

Узнать, зачем Макс подкатывал к Аве и что было на самом деле можно в романе "Мой сводный": https://litnet.com/shrt/hXKg

– Ты сошел с ума! Там свадьба, Макс! Наши родители

женятся! – выкрикиваю, надеясь привести его в чувство, но бесполезно.

Зрачки окончательно поглощают небесную радужку.

– Это их проблема, Полин.

Третья книга цикла "#старшаяшкола". История Максима и Полины.

Вас ждут:

❤# королева школы и ее сводный брат

❤# он влюбляется первым

❤# безответные чувства

Глава 13. Скандал, мокрая рубашка и ее глаза напротив

Филипп

«Альму» можно любить за многое.

За личные шкафчики, куда мы скидываем половину учебников, чтобы не таскать тяжесть. За бассейн, в котором после уроков можно смыть с себя школьную тоску. За учителей-иностранцев, которые ругаются на нас на пяти диалектах, но все равно ставят «четверки».

Но самое потрясающее — столовая.

Просторное помещение на первом этаже, с панорамными окнами, выходящими на маленькую заснеженную спортплощадку. Вечно шум, гам, смех. Круглые столики оккупированы старшеклассниками, малышня рассаживается за длинными столами с табличками «1А», «2Б». В воздухе витает аромат свежей выпечки и настоящего кофе.

Мое любимое место в столовой — центральный стол у окна, за которым мы обедаем уже года три. Я был девятиклассником, когда попал к выпускникам-баскетболистам. Парни давно закончили гимназию, а стол по наследству достался «Касаткам».

Вторая большая перемена — время, когда вся «Альма» собирается обедать.

После Линь-лаоши, которая задала эссе на 150 иероглифов, у меня чертовски зверский аппетит. На поднос летит двойная порция котлет с грибным соусом, жареные овощи, пюре и самый сладкий в Питере какао, который тут намешивают так, как ни в одной пафосной кафешке.

Падаю на стул между Димоном, ковыряющимся в гречке, и Максом, у которого обед точь-в-точь как мой. Глеб трындит с десятиклассниками-касатиками и уплетает свою рыбу.

Про Бестужеву никто больше не вспоминает. Кроме, блин, меня. Снова.

Нафиг меня и мои мысли.

Прислушиваюсь к обсуждениям последнего матча из «Лиги ВТБ». Атмосфера легкая, почти как раньше: до всей этой дичи с ее возвращением и моим мыслительным фиксом на пацанах, которые крутятся вокруг нее. Все как всегда.

Резко выпрямляюсь, не успевая прожевать котлету.

«Все как всегда» именно потому, что *ее нет. Нет в столовке.*И не было никогда. Кажется, последний раз видел ее здесь классе в восьмом. До того, как назвал уродиной.

Где она вообще ест? Ест ли? Ходит сюда на другой перемене?

На стол со звоном опускается поднос с салатом и стаканом воды.

— Опять на диете? — фыркает Макс.

— А ты опять ешь, как свинья, — парирует Полина, не глядя на него.

— Воу, полегче. Хамство сейчас не в почете, ты же гимназистка. И заметь, он тоже так ест, — Макс кивает в мою сторону. Полина не отвечает. Ерзает на стуле и без надменности, а с каким-то волнением в голосе выдает:

— Я тут… мм… Как дела? Больше не ссорились?

Глеб вскидывает брови и перестает жевать. Я тоже не понял прикола. Дело не в вопросе, просто ее словно подменили.

— Где твои вечные фрейлины? — Разумовский спрашивает уже без иронии. Реально, Вильская нас всех сейчас напрягла странным поведением. Кто-то ее обидел? Хотя кто посмеет даже пальцем тронуть? На нее вся старшая школа слюни пускает.

— Какое слово ты выцепил из своего скудного лексикона. Открывал учебник истории?

— Не уходи от вопроса.

— И вы не уходите, — Полина слишком серьезно смотрит на Макса, указывает вилкой. — Вот вы двое больше не ссорились?

— Да все окей, — за нас отвечает Глеб. — Фил спустил пар, мы уяснили.

— Понятно. — Полина смотрит куда-то вниз, под стол. Видимо, на свои руки. Макс недовольно пялится на ее салат. — Я не просто так докопалась, чтоб вы знали. У вас матч с пятидесятым лицеем через две недели. А вы грызетесь, как псы из подворотни.

Не люблю упаднический настрой — она мне сейчас пацанов расстроит. Вильская — капитан чирлидеров, а сопли распустила. Надо направить беседу в нужное русло.

Полгода так не делал: не надевал маску *придурка-капитана-короля школы.* Но сейчас откладываю вилку, удобнее разваливаюсь на стуле и мило — так, как девчонки любят, — улыбаюсь Вильской.

— Поль, я с закрытыми глазами могу сыграть грязно, но фола никто не заметит. Мы все в отличной форме, просто болтаем, — ухмыляюсь Разумовскому, который, приклеил взгляд к ее тарелке.

Пинаю ножку его стула, и он растеряно кивает.

— Кстати, кто-то, может, и заметит, — Глеб включается в разговор, наклоняется вперед. — Не надо нарываться. «Орлы» в этом году нового тренера взяли, говорят, профессиональный игрок. Типа он у них на полставки физрук или что-то такое.

Разговор перетекает в обсуждение ближайшей тренировки, и я думаю о том, как легко переключать внимание людей. То же самое я провернул в пятом классе с Авой.

До пятого класса она сидела на месте Полины. Она была единственной девчонкой в нашей компании. Единственной, кому я позволял… вообще все. А потом пальцами щелкнул, и все развернулось на сто восемьдесят градусов: толпа быстро подхватывает хейт.

Кретин обиженный.

Гениально, Воронов. Офигительный итог мыслительного процесса последних дней. И че теперь-то?

Пока Глеб, Макс и два десятиклассника обсуждают тренировку, я замечаю, что Юсупов опять сидит тише воды, ниже травы. Вот кто вырос в мрачного закрытого социопата — так это Димас.

Вижу у друга сбитые костяшки на левой руке и напрягаюсь, отвлекаясь от мыслей об Аве. Он не полезет в драку первый. Он лощеный мажор со стальным терпением, предпочитающий дипломатию кулакам.

— Что происходит? — понижаю голос, чтобы никто не слышал.

Юсупов вздрагивает и вопросительно приподнимает брови.

— Ну, знаешь, ты та-а-акой болтливый обычно. А теперь и вовсе не затыкаешься, — иронично хмыкаю. — Еще и красоту навел, — киваю на его руку. — Надо кого-то?.. — хлопаю ладонью по кулаку.

— А ты обожал трындеть о Бестужевой. А теперь никому не даешь рта открыть, чтобы просто ее фамилию произнести. Что-то случилось?

— Ауч. Вот это грязная игра. Я же без шуток.

Юсупов шумно выдыхает.

— Все хорошо, — смотрит на свой кулак так, будто видит впервые. — Это просто недоразумение. Спасибо.

— Ты же знаешь, что, если нужно, я к тебе загород при-

качу, залезу по пожарной лестнице в дом и вломлю твоему старику?

Дима едва заметно улыбается, приподнимает подбородок — явно собирается что-то сказать, но мой мир в секунду теряет опору. Внимание захватывают горящие синем пламенем глаза, прожигающие во мне дыру размером с космос.

Аврора, словно фурия, летит к нашему столу. Я забываю как дышать. Идеальные кудри наконец-то хаотично развиваются за спиной, щеки горят румянцем, а в руке — стакан апельсинового сока.

— Ты! — ее звонкий голос врезается в гул столовой.

Дальше все как в замедленной съемке. Я даже не успеваю встать.

Она останавливается в сантиметре от меня. Мне показалось, она дрожит... от ярости.

— Ты — ничтожество, Воронов!

Сок летит мне в лицо.

Наш стол замолкает. Вся столовая замолкает.

Холодные капли стекают за шиворот, рубашка прилипает к груди.

Ни одной здравой мысли в голове — все занял полыхающий взгляд.

Я бы многое отдал, чтобы в этот момент видеть ее настоящие глаза, а не эту фальшивую наклейку на радужках. Да, блин, убейте меня! Я ХОЧУ видеть ЕЕ: цвет ее глаз!

Чтобы прийти в себя от открытия, я глубоко вдыхаю и

провожу ладонью по мокрому лицу. С трудом понимаю, что Дима успел отскочить, а Макса дернула в сторону Вильская.

— Сам ты урод, Филипп, — с жуткой болью в голосе шипит Ава. — Падать ниже некуда, но ты настоящий чемпион среди моральных уродов.

Она выдыхает с ненавистью, а я так и не могу сообразить, что случилось. Понимаю только, что сейчас на нас смотрит вся школа. Если намекну гимназистам, ее сожрут. Но я этого больше не хочу.

Нарочито медленно поднимаюсь.

Что ж. Мы не будем воевать, Ава. Но ты первая начала шоу на потеху толпе.

Капли сока стекают по волосам, рубашка в мокрых пятнах, местами липнет к груди и животу.

Довольно улыбаюсь, делаю шаг вперед, не отрывая от Авы взгляда. Она вздрагивает, щеки краснеют сильнее. Наклоняюсь, губами почти касаюсь ее уха.

Черт, как сладко пахнет. У меня пристрастие к вредному и сладкому.

— Не обязательно было портить рубашку, чтобы увидеть меня без нее. Могла бы просто попросить, — шепчу, чтобы слышала только она.

Ава резко отшатывается, и я едва успеваю остановиться от желания схватить ее за руку. Слава Богу, она не падает.

— В следующий раз используй воду. Не буду так сильно липнуть, — отхожу, ухмыляясь. Расстегиваю верхнюю пуго-

вицу рубашки, наслаждаясь ее шокированным взглядом.

— Бестужева! Воронов! — громогласный ор Синусоиды так невовремя останавливает мое представление. — В кабинет к директору! Живо!

Глава 14. Булочки с корицей и неудобные вопросы

Аврора

Взрослые учат нас: «Если обижают — скажи учителям». Но поройони и представить не могут, что происходит за закрытыми дверями таких школ, как «Альма».

Репутация в «Альме» — все. Репутация дороже денег, ведь именно она привлекает спонсоров и людей, отдающих сюда детей.

Репутация гимназии оставалась безупречной до тридцать первого мая прошлого года, когда при всем классе Фил окончательно уничтожил мою самооценку и веру в себя.

Помню, как вернулась домой в слезах. Мама застала меня в кровати под одеялом. Паника в ее глазах... Никогда не забуду, как ее пальцы дрожали, когда она обнимала меня. Я тогда рассказала ей все. Все события с пятого по десятый класс.

Рассказала, как стала «уродиной» в восьмом классе, когда пришлось сменить очки на те, что позволяли видеть при моих «минус десять». Потом брекеты. Все больше зажатости, неуклюжести… Я действительно была гадким утенком.

Именно Фил «подарил» прозвище «уродина». Самое грубое, самое обидное, самое уничижительно. Все так быстро

его подхватили.

Рассказала, как стала «крысой» в шестом классе, когда не успела сбежать со всеми с урока музыки. Не успела из-за дурацкого зрения! Я бежала с ними, я не хотела никого сдавать, но очки съехали на кончик носа… Остановилась, чтобы протереть стекла, и попалась на глаза классной руководительнице. А дальше распросы, поиски класса… Они решили, что я сдала специально, и никто не дал мне оправдаться.

Я пыталась исправиться, не отчаиваться, не опускать руки. После случая с музыкой пообещала, что помогу ребятам с четвертными проектами по английскому. Хотела заслужить хоть чью-то дружбу. Или избежать их насмешливого «крыса». Именно в тот месяц мы всей семьей полетели в Геленджик на похороны дедушки. Мамин папа не выбирал, когда ему умирать, но его смерть стала началом моего конца. Класс меня заклеймил. Решили, что я специально попросила родителей уехать и снова подвела всех.

Рассказала, что зачастую Фил не был тем, кто травил меня. Он бросал спичку — остальные с восторгом поддерживали огонь.

В тот день я увидела в глазах тети Ати такой стыд, словно она готова была провалиться сквозь землю. Я никогда не винила ее в том, что Фил вырос придурком. Атанасия не виновата в неуправляемости сына.

Я жутко боялась стать причиной ссоры лучших друзей: папы и дяди Кирилла. Они всю жизнь шли бок о бок, и

мысль о том, что жалобами я разрушу что-то светлое, давила неподъемной тяжестью.

К счастью, оказалось, наши семьи не так легко поссорить. В отличие от взрослых дома, взрослые в школе мой поступок не сочли достойным гордости. Увы, я это поняла только по возвращению.

Марина Анатольевна — наша классная — проходит мимо меня с таким выражением лица, будто я лично задолжала ей пару миллионов. Ирина Константиновна вызывает к доске на каждом уроке с такой интонацией, что хочется сгореть со стыда.

Линь Юэ — учительница китайского — одна из немногих, кто никак не изменил своего отношения. Моя любимая учительница русского и литературы — единственная разрешила приходить по любому вопросу. Жаль, сейчас она на больничном.

Не знаю, как поступить правильно.

«Кто-то пошутил, Аврора. Не обращай внимания».

Ведь это не шутки? Или шутки?

«Ты все еще уродина». «Крысам здесь не место. Лучше бы ты не возвращалась». «Помнишь, как тебя закрыли в туалете? Жди. В этот раз мы сделаем фото на память, стукачка».

Разбитое зеркало у шкафчика, жвачка в сумке и самое последнее, что я нашла — распечатанное мерзкое фото из фильма 18+ с подписью: «Предложение все еще в силе».

Только один человек опустился до подобного рода шутки в прошлом году.

Но он первый в очереди на исключение. Он рискует всем: местом в «Касатках» и в «Легионе», срывом одиннадцатого класса перед экзаменами, своей репутацией. Если его выпрут с записью в личном деле, будет трудно найти новую школу, зачислиться и сдать ЕГЭ в этом году.

Зачем ему это? Чтобы снова из прихоти унижать меня?

«Твой родной цвет лучше», — тихо звучит в голове.

Как же невовремя ты решил нарушить обет молчания. Забрал бы пропуск и бежал дальше.

Упираюсь лбом в холодный металл шкафчика.

Все будет хорошо.

***

Разгар первой большой перемены. Помогаю Максиму с домашкой по китайскому, и он, довольный, обещает, что с него теперь причитается. Саша требует вечеринку на нас троих. Желательно, в его пентхаусе с кучей фастфуда и без «заносчивых звезд».

Разумовский треплет ее по волосам, велело улыбается и просит выбрать дату нападения на его квартиру. Абрамова толкает его в бок… Они выглядят как друзья.

Так, должно быть, выглядели и мы с Филом.

***

— Я затащу тебя в столовку, клянусь. Ты упускаешь булочки с корицей! — Саша пытается собрать волосы в высо-

кий небрежный пучок.

— Любишь выпечку?

Густая непослушная копна очень точно отражает вздорный характер девушки: сегодня она получила предупреждение о недостойном поведении, потому что толкалась в столовой за этими самыми булочками.

— Обожаю. Особенно с корицей. Или кардамоном.

Я отщипываю кусочки сдобы, пока Саша пыхтит с волосами. Пальцами собирает на макушке и только на третий раз успешно перевязывает шелковой синей лентой-резинкой.

Она ухватила нам выпечку и сок. Если кто-то застукает с едой в коридоре, нарвемся на лекцию о правилах поведения. Есть можно только в столовой.

— Почему ты не ходишь столовую? — закончив с прической, Саша усаживается на подоконнике по-турецки, натянув юбку на ноги. Она нарывается на наказание в виде мытья подоконников на всем этаже.

— Так сложилось.

На подоконниках сидеть позволяют, потому что они шириной с хорошую скамейку, но делать это стоит аккуратно, как полагается гимназисту.

— Слушай, я не пойму. Такая гимназия дорогая, а ты… Ну… Они тебя били?..

Я грустно усмехаюсь. Нас десять лет учили нюансам дипломатии. Организовывали постановки-переговоры, где мы тренировались отвечать на вопросы школьников-журнали-

стов.

Прямолинейность Саши иногда вводит в ступор даже учителей. Возможно, Марина Анатольевна с ума сходит: в ее классе, помимо выносящей сор из избы ученицы, появилась еще и невоспитанная хамка.

— Нет. Специально нет.

В «Альме» не дерутся, «как малолетние маргиналы», не устраивают бедлам в столовой, «как невоспитанная толпа», и, мое любимое, у нас «царит атмосфера взаимоуважения».

— Как понять «специально»?

— Ну, в меня могли прилетать какие-то вещи. Снежки, жвачки, баночки корректора. Но руками никто не трогал.

— Вот придурки.

— Не то слово.

— А как вышло, что даже в параллельном классе у тебя друзей нет?

Я так и замираю с булочкой у приоткрытых губ. Вопрос задел личное, спрятанное глубоко внутри.

У меня были друзья. Фил просто всех забрал.

Глаза Саши округляются, она прикрывает рот ладонью.

— Ой! Блин! — сквозь растопыренные пальцы со страхом смотрит на меня. — Глупость сказала, да? Я это… Я иногда сначала говорю, потом думаю! Прости, пожалуйста!

Саша так пугается, будто за неправильный вопрос я сделаю ей что-то плохое. Подозреваю, что у нее какие-то проблемы в семье, поэтому прячу кольнувшую сердце жалости

к себе, улыбаюсь и стараюсь ответить.

— Ты наверняка заметила, что у нас с «Б» есть сдвоенные предметы. В средней школе их было еще больше. Обозвали на уроке — прозвище приклеилось. На другом толкнули — все запомнили. Во всех классах, во всех школах и во все времена существовали козлы отпущения. Мне не повезло стать одним из них.

— Все были полными придурками? — ее глаза становятся большими, как у ребенка.

— Тебя правда интересуют все? — наклоняю голову к плечу, рассматривая ее лицо. Сашина мимика помогает безошибочно угадать ее мысли. — Или кто-то конкретный?

Она краснеет, хватает булочку в пакете и прячет лицо за едой.

— Да я просто… ну, это… Мне неинтересны мальчики-мажоры с золотой ложкой в одном месте.

Хмыкаю. Я уже сталкивалась с такой реакцией, когда пыталась узнать ее ближе. Что с ней не так?

— Саш, можно, я тоже спрошу кое-что личное?

— Нужно сразу спрашивать, а не просить разрешения, — с набитым ртом отвечает Саша.

— Почему ты со мной общаешься? Почему решила подойти в первый день?

Зачем тебе это, если ты меня не подпускаешь? Просто провести с кем-то время на переменах?

Я не уверена, что она ответит честно и ответит ли вообще,

просто молча жду.

Саша откладывает сок, несколько секунд смотрит на свои ладони, но молчание не успевает затянуться до неловкости.

— Ненавижу несправедливость, — ее голос впервые невеселый. — Я несколько месяцев слушала шуточки о крысе в одно ухо и восторги Линь Юэ об одной из пяти студентов в российской группе по обмену в другое. Мне было интересно, кто ты... А потом ты появилась в коридоре, и вся эта гнилая компашка рты пооткрывала. Они даже не смогли выдать что-то остроумное. И я просто… поверить не могла, что тебя называли крысой и уро… — она обрывает себя. Опять выглядит так, будто я ударю ее по губам за неудобные слова.

Киваю, озвучивая.

— Уродиной.

Странно, но в этот момент слово впервые не отзывается болью в груди. Просто слово. Не я.

На самом деле последний раз кто-то назвал меня так в десятом классе. В этом году я читала ненавистное прозвище только в анонимках. Но даже если бы класс вернулся к травле… Я больше им бы не верила.

— Да! Ты же такой круассанчик! — а вот и знакомая Александра Абрамова вернулась.

— Круассанчик?

— Ага. Милая, то есть. Я ненавижу тех, кто сильнее, кто нападает толпой, кто… Таких, как они, ненавижу. Точнее, думала, что ненавижу, — выдает Саша и снова резко замол-

кает.

Не лезу в душу, понимая, что последнее она явно не хотела говорить вслух. Пару минут молча смотрим в пустой коридор.

Мой телефон вибрирует. Матвей пишет, что их отпустили с пары. У него будет лишний час на репетицию, если я соглашусь на его авантюру.

— Симпатичный. — Саша косится на фотку. — Свидание?

— Матвей предложил попробовать спеть дуэтом. Вот и все.

— Какие вы скучные, ребята, — протянула Саша и тут же потеряла интерес к Матвею. — Слушай, а ты в аниме разбираешься? Или в манге... комиксах там всяких?

Вау. Неожиданно.

— Немного. А тебе зачем?

— Да так. — Саша тушуется, и теперь мне становится любопытно. — Есть кое-кто, кто в этом шарит. Хотела понять, о чем он говорит. А вообще… Он как высокородный диснеевский принц, а я как бескультурная оборванка рядом с ним.

Подвигаюсь к ней, приобнимаю, положив руку на плечи: Саша в этот момент быстро моргает, и вот такой я ее точно не видела.

— Если он говорит как сноб, никакой он не принц. Типичный заносчивый мажор. — Сжимаю хрупкие плечи.

— Нет-нет! Ты просто его не слышала. Он рассказывает

о культуре Японии, Китая, Кореи. Говорит о стилях рисования, о культурном коде… А я понять не могу, что за маньхуа. У меня по китайскому пятерка, но я…Я же кроме учебников ничего и не видела.

— У меня идея. Пойдем с тобой в одно классное место в выходные. Ты быстро разберешься, о чем твой…

— Ава! — шипя, она перебивает меня, толкает под бок и кивает в сторону кабинета математики. — Смотри!

В кабинет, озираясь по сторонам, заходит мальчишка из начальных классов.

Нехорошее предчувствие накатывает сокрушительной волной. Все внутри сжимается. Пусть это не то, о чем я думаю. Кто-то не просто посылает записки, но еще и руками ребенка это делает?

Мелкие школьники души не чают в «Касатках».

Саша хмурится, я срываюсь и бегу в класс.

Не знаю, дурочка я или святая, но даже после нескольких лет ненависти надеюсь увидеть в Филе остатки всего хорошего, что в нем было раньше. Не для себя, не для нас. Для него самого.

Смотрю на глотающего слезы ребенка у своей парты, на протянутую руку с запиской, и надежда уступает место ненависти.

Заруби себе на носу, Ава. Надежда и вера не применимы к Филиппу Воронову.

«Отвали от Разумовского, уродина, и не думай, что смо-

жешь меня уничтожить. Делай, как сказано: сможешь завершить год спокойно».

Нет, Филипп, тебя уничтожу не я. Ты сделаешь это сам.

Сгорая от желания засунуть ему в рот этот клочок бумаги, я бегу с третьего этажа на первый, не обращая внимания на попадающихся в коридорах учителей.

Глава 15. Обратная сторона «Альмы»

Филипп

Это просто капитальный конец! Я сжимаю кулаки, стоя напротив полыхающей гневом Авроры, уже даже не пытаясь понять, какого лешего творится в моей голове.

— Покажи мне придурка, который тебе это сказал! — меня потряхивает от гнева, от чертового желания прямо сейчас найти того, кто посмел это сделать! Встряхнуть и запретить смотреть в ее сторону!

Просто финиш, блин!

— Это второклассник! Ребенок! Ты использовал его, чтобы передавать эту... мерзость! — ее щеки порозовели, сини глаза мечут молнии, ее трясет также, как и меня, и мне хочется схватить девчонку в охапку. Никто больше не имеет на нее права кроме меня!

—Ты вообще в себе?!

— Аврора! Филипп! – одергивает нас директриса, и я едва не отшатываюсь, понимая, что за мысль допустил.

Никто не имеет на нее права.

О чем я? Какого, ну какого происходит?! Почему мне так нужно, чтобы она поверила — это не я!

— Сели на места, — рявкает Цербер. — Ладно Филипп,

но ты! Аврора, ты! — директриса испепеляет взглядом одну из лучших учениц «Альмы». — Учинить скандал, вылить на голову гимназиста сок, ругаться в кабинете директора… Ты медалистка, Аврора!

Ава пристыженно садится на стул, опускает голову, прикрываясь волосами. И что-то внутри сдувается. Словно все тренировки разом дают о себе знать – сил как-то разом не остается.

На секунду накатывает непонятная слабость, и больше всего на свете я хочу поговорить с Авой не здесь, а один на один, но, уверен, она отправит меня в пешее эротическое, предложи я такой разговор.

— Простите, — смирение и стыд в ее голосе действуют на меня еще более странно.

Какого ты извиняешься?! Тебе пишут всякий бред, фотки подбрасывают, а ты извиняешься?! Они должны были тебя защищать от таких придурков!

Я хочу ее утешить, но знаю, что не могу даже дотронуться. В школе — нельзя.

Только хочу высказать Михайловне все, что думаю, как она перебивает: я шумно выдыхаю.

— Аврора, объясни, наконец, нормально, что произошло, — директриса давит на нее, а после рявкает на меня. — Филипп, пожалуйста, сядь на свое место.

Иди ты на все четыре, стерва.

Плюхаюсь на стул, сжимаю челюсть, складываю руки на

груди. Мокрая рубашка неприятно липнет к телу. Мокрые волосы — ко лбу. Мне дали умыться, но было бы неплохо еще и переодеться.

Аврора тем временем еще раз внятно рассказывает про записки, неприличную распечатку, приклеенный кусок стекла к шкафчику.

Сатанею с каждой новой подробностью. Кто-то явно хочет, чтобы все решили, что это я. Прибью, отвечаю. Найду и прибью.

— Ясно. Я все поняла. Что же… — стерва картинно вздыхает и разводит руками, изображая растерянность.

Да помню я о договоренностях. Меня не выпрут, пока я к медалистке не подхожу. Так я и не подходил. Хотел, может. Но не подходил.

Аврора не отрывает взгляда от своих коленок. Я тоже пялюсь на ее коленки, обтянутые капроновыми колготками. Интересно было бы посмотреть на нее в форме касаточек из поддержки.

Да, блин, признаю: я залипаю.

— Филипп? — упс. Судя по интонации, директриса зовет меня не первый раз.

Мир сошел с ума, но я правда завис на ногах Авроры Бестужевой.

— Отца в школу, да? Будете камеры просматривать? — не глядя на стерву, усмехаюсь. Пусть смотрят, ничего не найдут.

— Документы на отчисление может подписать и мама. — задрав острый подбородок и поджав алые губы, она выдерживает театральную паузу. Поправляет иссиня-черные волосы у лица. — Твой отец обещал, что в этом году проблем с поведением не будет, но ты себя не контролируешь. Мы вынуждены рекомендовать работу с психологами. Спорт плохо влияет на твой и так неприемлемый уровень агрессии.

Возможно, мне послышалось тихое «прости», но я не уверен.

Стоп. Что значит «спорт плохо влияет»?

Выпрямляюсь. Пытаюсь сообразить. Если меня попрут, потеряю «Касаток». Потеряю место в «Легионе», если испортят характеристику. Потеряю друзей? А что с экзаменами?

Они же не серьезно? Осталось-то учиться пару месяцев.

Перевожу взгляд на Аврору, собираясь в очередной раз повторить, что это не я. Туше, Воронов. На лопатки этими своими синими линзами.

Ты плачешь, что ли? Из-за меня?

Сглатываю с трудом. Дышать тяжело. На меня накатывает ощущение крутого пике: ввысь-высь-ввысь — и со свистом вниз. Не уверен, что кто-то еще способен вызвать во мне хоть подобие этого чувства.

Соберись, идиот, и выдави из себя что-нибудь.

— Ава… — губы сохнут, дыхалка как на кроссе, и сформулировать не выходит.

«Прости меня».

Два слова, а выдавить не могу. Почему так сложно-то?

— Вы свободны. До кабинета математики постарайтесь добраться без приключений. И, Аврора, очень тебя прошу, не порти свою характеристику.

Ава встает. Сжавшись, обнимает себя за плечи и идет к двери. Подрываюсь, догоняю, хватаю за руку, забив на обещание не подходить к ней.

— Я не знал об этом, клянусь!

В ее глазах — коктейль самых противоречивых эмоций. Жалость и презрение. Ненависть и тревога.

Май. Улица. Ее испуганные глаза и моя ненависть ко всему миру. Моя рука на ее локте. Последствия.

Резко разжимаю пальцы и отдергиваю руку, будто обжигаюсь.

— О том, что я до машины не могу дойти без очков, тоже не знал? Когда вы их прятали, не знал? — она не плачет, но я вижу, как она дрожит. — Или не знал, что больно быть «гугл-глазами», а не быть ими у меня нет возможности?!

Черт, эти последние пару лет… выходят из нее с дикой злостью и мелкой дрожью.

— Не знал, что я собственных пальцев на руке не вижу? Что еще ты не знал?! — ее прорывает.

— Я не знал, что все так плохо. Это была… — сказать «шутка» язык не поворачивается.

— Шутка?! Как и предложение встать на колени?! Весело вам было, да? Весело?! Ты просто законченный ублюдок,

Фил!

— Аврора! — возмущенный голос за спиной напоминает, что мы не одни. — Твоих родителей тоже будем ждать. Необходимо обсудить твое эмоциональное состояние. Возможно, следует поработать со школьным психологом.

Да сколько можно вешать на нас ярлыки!

Считаю медленно до трех и разворачиваюсь.

— Что вы на нее наезжаете? Ей кто-то подкидывает записки и порнушные фотки. Ей нет восемнадцати, это растление в стенах школы.

У ведьмы вытягивается лицо и, уверен, сейчас она проклянет меня за очередной наезд на репутацию «Альмы», но дверь в кабинет распахивается. На пороге Синусоида, молоденькая училка из младшей школы и какой-то шкет, пялящийся на меня во все глаза.

***

Происходящее напоминает паршивый спектакль.

Стою столбом, наблюдая, как математичка и директриса что-то спрашивают у пацана. Он жмется к своей классной, глаза кроличьи, испуганные.

А потом Ава опускается перед ним на корточки, смотрит снизу вверх и, взяв его за руку, нежно спрашивает: «Этот ли мальчик давал тебе записки?»

Там же чушь написана, да еще и с ошибками. Я придурок, но не безграмотный.

Пацан отрицательно машет головой, а я выдыхаю.

— Видите, это ошибка.

Но тут он выдает:

— Он... он диктовал мне, что писать.

— Какого черта?! — шагаю к нему, но директриса встает, перекрывая путь.

— Воронов, хватит!

— Какой-то сюр… Посмотрите камеры! Я в жизни к нему не подходил!

— Мы посмотрим, Филипп, — холодный тон стервы не обнадеживает. — А сейчас всем разойтись по кабинетам. Урок начался минуту назад. — бросив еще один взгляд на испорченную рубашку, директриса кивает мне. — Ты можешь ехать домой.

***

Трое парней стоят недалеко у двери. А вот Абрамова – прямо под дверью. Коротышка хватает Аву за руку и буквально утаскивает, бросая на нас недовольный взгляд. В коридоре остаёмся только мы.

Дима первый нарушает тишину:

— Ну что, все нормально?

Усмехаюсь.

— У меня плохая и хорошая новости.

— Давай с плохой, — хмыкает Макс, скрестив руки.

— В нашей «элитной» гимназии завелся мой неадекватный фанат.

Макс пожимает плечами:

— Удивительно, что только сейчас.

Я внимательно смотрю на Разумовского. Нет, Максим — друг. Друзья свиней не подкладывают.

— А хорошая новость? — Глеб отлипает от стены и закидывает руку мне на плечо. — Ты отвлек мою мать, и геометрии не будет?

— Все бы отдал за это, — стонет Макс.

Дима молчит. Смотрит так, будто уже в курсе.

— А хорошая — только для меня. Твоя мама, кажется, может больше не беспокоиться о срыве математики.

— Не понял.

— Меня отчисляют. Обещали проверить камеры, но, уверен, ничего не найдут. В кабинете сейчас твоя мать и второклассник: пацан сказал, что я передавал ему анонимки для Авы. Еще и заставлял писать их.

— Для кого? — Глеб тупит, как обычно.

— Для Бестужевой.

— Ну… тебя же не могут выгнать из-за слов сопляка?..

Глава 16. Любовь, семья, друзья. Предатели?

Сквозь высокие окна школьного спортзала пробивалась синева зимних сумерек, смешиваясь с желтым светом фонарей. Мяч монотонно стучал о паркет: капитан команды все еще тренировался.

Слить Фила оказалось чертовски тяжело. На его имени «Альма» делала себе репутацию.

«Талантливый гимназист стал участником баскетбольного клуба "Легион"»

«"Альма" вырвала зубами победу у трехкратных чемпионов школьной лиги».

«Гимназия заняла первое место в рейтинге учебных заведений».

Никто не говорил, что Фил тренируется как проклятый. Никто не упоминал, что он с детства ходил в спортшколу. «Альме» не нужны неудобные детали.

Фил и Аврора — лучшие представители гимназии. После успеха Авы в Пекине, в «Альме» открылся еще одна параллель пятого класса с уклоном на востоковедение.

Школа не хотела терять никого из них. Худшим кошмаром наяву стал тот факт, что Бестужева в мае открыла рот. А ее предки едва не забрали документы дочери.

Учителя провели колоссальную промывку мозгов Вороновым и Бестужевым, только чтобы не расставаться со звездными выпускниками так позорно. На Фила и Аву повесили ярлыки эмоционально нестабильных подростков. Ему запретили подходить к ней. Ее, кажется, должны были отправить к школьному психологу.

Фил вышел сухим из воды.

«Почему тебе, ублюдку, вечно везет?», — с завистью задавался вопросом наблюдающий за капитаном парень.

Воронов, в промокшей от пота голубой майке «Касаток», продолжал бросать трехочковые, а еще один из «Касаток» стоял в дверях, прислонившись к косяку.

В руках крутил бутылка воду, которую протянул Филу, когда тот наконец заметил его и подошел.

— Тебе завтра в «Легион». Не надорвись, капитан, — с фальшивым дружелюбием, от которого сводило скулы., выдавил.

Фил стянул бандану и вытер ею лицо. Ухмыльнулся, но больше не мог прятать за маской беспечного шутника жуткую усталость.

— Это называется подготовка. Ты бы попробовал. — Фил пьет, пока второй просто наблюдает за ним, тихо мечтая о том, чтобы капитан подавился и сдох прямо здесь. — Собираешься играть после школы?

— Я-то?

— Ты-ты. Только у нас рост на самом деле позволяет. А

парням после школы баскет будет не нужен. Разлетимся по универам, — протягивает бутылку обратно. В тишине и темноте хочется задать один вопрос.

— Слушай, я все хотел спросить. Как тебя взяли в «Легион»? Ты же до стандартного метр девяносто не дотягиваешь.

— Ага. Четыре сантиметра еще. Я прыгучий — для меня это главное. А тело еще не сформировано полностью. У тебя тоже, кстати.

«Почему тебя взяли, а меня — нет? Почему ты не мог просто свалить и освободить место капитана».

— Зачем ты тратишь силы на «Касаток»? Это же просто школьные игры.

«Ты — не талант и не самородок. Ты упертый баран с папочкиной фамилией!»

— Мы же команда. Своих не бросают. Надеюсь оттянуть время отчисления, сыграть против «Орлов». Но до игры за Кубок, думаю, не дотяну.

«Да ладно. Так… значит… Кэп страдает привязанностью к друзьям? Бравада «мне никто не нужен» — напускное? Так даже веселее».

— Слушай, по поводу отчисления… Раз уж ты уверен, что попрут, может, давай как раньше?

Возвращение короля напоследок. Он думает, что изменился? Нет, он все такой же гад. Это легко доказать: сегодня Фил продемонстрировал… что кое-кто ему небезразличен.

Классика: придурку вдруг понравилась хорошая девочка.

Он больше не хочет дергать ее за косички, но не знает, как вести себя по-другому.

«Ничего не выйдет, друг. Ты устроишь вечеринку, как раньше. Вернешься в амплуа идиота и потеряешь все: девчонку, место в командах и гимназии, статус и свое имя. Если ты облажаешься еще раз, тебя не простят».

— Нет, не могу, — Фил снова возвращается в центр зала и берет мяч. — Дома не до вечеринок.

«Или все дело в том, что обычно на тусах у тебя отлетают и без того фиговые тормоза»?

— Так развеешься. Все как раньше, а? Пригласим всех в этот раз. Можно даже новенькую и ботаничку. Так сказать, покажем всем, как ты теперь изменился… — бинго. Мяч с грохотом бьется об пол.

— Изменился? — Воронов как-то странно усмехается.

— Ну, да. Ты в этом году паинька. Потусим всем классом. Может, Бестужева сама тебя и отмажет перед директрисой. Хотя бы прекратит обвинять.

Фил хмыкает, глядя в пол, думая, очевидно, над предложением.

Три.

Два.

Один.

— В пятницу вечером. Я напишу в чат.

Аврора

Замираю у двери, прикрыв глаза, и вдыхаю ванильный

аромат выпечки и медовых яблок. Аж слюнки текут! Представляю, как любимая мамина шарлотка тает во рту, оставляя сладкое послевкусие.

Вижу черные берцы. Стаскиваю пуховик, бросаю рюкзак., несусь на кухню, но торможу в проеме арки, невольно залюбовавшись.

Папа — высокий широкоплечий мужчина, черноволосый, как выросший принц из сказки о Русалочке. Черная рубашка с подвернутыми рукавами и брюки со стрелками — фирменный образ Виктора Александровича Бестужева, владельца легендарной галереи современного искусства, одного из гейм-дизайнеров известных на всю планету компьютерных игр, совладельца шато «Под звездами».

Папу называют безэмоциональным, самовлюбленным, хамоватым художником, но рядом со мной и мамой он — лучший мужчина на свете. Я с детства знала, что папа должен смотреть на маму так, будто она — весь его мир.

Когда меня еще и в планах не было, папа посвятил маме выставку «Прогулка по хрустальной Вселенной», где каждый человек мог почувствовать себя центром вселенной. С легкой папиной руки мамин старенький семейный отель обрел вторую жизнь.

— Витя, ты все испортишь, — мама, совсем крошечная рядом с ним, так и светится от счастья. Розовощекая, в домашней шелковой пижаме, состоящей из широких брюк и топика, она притворно-возмущенно морщит нос.

Мама стоит спиной к папе. Перед ней — яблочные очистки и разделочная доска. В руках папы — нож. Папа, как школьник, зажавший ее в углу. Он положил подбородок на ее плечо и что-то шепчет ей на ухо, пока ловко чистит яблоко, не выпуская маму из объятий.

— Витя! — в ответ на смущенное восклицание он целует ее в макушку, как будто они не родители семнадцатилетней дочери, а самые настоящие влюбленные подростки. — Ну правда, отдай нож, тогда поговорим.

— Новая сделка, Василиса? —папа, судя по голосу, веселится.

— Может быть. — Мама резво разворачивается, папа поднимает нож высоко над головой, но мама уже замечает меня и быстро толкает папу в грудь.

Упс.

— Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу, — улыбаясь, папа разводит руками. Мама быстренько забирает объект спора, а я лечу к папе в объятия.

— Папа! — он подхватывает меня как маленькую, хотя я уже давно выше мамы, и кружит. От папы пахнет крепким кофе и специями, хотя ничто не сравнится с его одеколоном, которым я в детстве любила пользоваться.

— Где пропадала, принцесса?

— Школа, потом вокал, — выпаливаю, наконец сползая на пол и отряхиваясь. — Скучал?

А, еще я наконец-то поставила кое-кого на место, но из-за

этого совсем не радостно. Вокал спас от жалящих мыслей, а теперь вот папа спасает.

— Ужасно, — отпускает меня и, прищурившись, выдает, — но мне повезло, я хотя бы смог вернуться домой. Кир до дома так и не долетел, хотел успеть на похороны.

За ужином папа рассказывает о смерти бабушки Атанасии. Мама все узнала еще вчера. Она даже согласилась присмотреть за Филом… Я знаю, что мама не отказала бы, но сейчас не могу не злиться на нее. Почему она не сказала?

Отгоняю тревожные мысли, как назойливых мух.

Заставляю себя сидеть дома, но то и дело смотрю в окно.

Прокручиваю в памяти слова из записок, самые неприятные насмешки, самые мерзкие моменты с Филом в средней школе.

Убеждаю себя, что в моей жизни все хорошо. Я обещала себе, что Фил должен получить наказание, и он его получил. Это справедливое отчисление. Я не виновата, что оно совпало с … Никто не заставлял его подбрасывать эти записки!

На часах восемь вечера. Я делаю уроки, но то и дело посматриваю в окно.

Не заметила, как стукнуло девять. Я все еще в уроках. Решаю немного посидеть на кухне с родителями, лишь бы не думать, что Фил в доме напротив совсем один.

На часах десять. Я снова сажусь за уроки и заканчиваю их к одиннадцати. Наконец-то долгожданный сон.

Аврора, просто иди спать!

Но в доме напротив горит свет.

Время — полночь. А свет все еще горит.

Ненавижу себя. Ненавижу-ненавижу-ненавижу. Ненавижу, потому что меняю очки на линзы и тихо выхожу из комнаты.

Филипп

Посуда в посудомойке. Никаких носков и шмоток по всему дому. Пара тетрадок с домашкой на разделочном столе. Нормас.

— Привет. Ну, как у вас? Папа уже с тобой? Не могу ему дозвониться, — треплю головой, стряхивая капли после вечернего душа.

— Все в порядке, — уголки маминых губ трогает легкая улыбка, хотя голос у нее измученный и уставший. — Папа летит с пересадкой через Стамбул.

Мама сидит на кухне в стиле Дракулы. За ее спиной — высокое витражное окно, как из фильмов с замками и драконами.

Атанасия Нотт — настоящая наследница ирландской графини Розеллы Нотт. Родной язык мамы английский. Она понимает и может говорить на ирландском. Ну, сейчас она уже общается на русском.

Когда-то давно избалованная девчонка — наследница состояния почетной семьи Ноттов, — решила прилететь в Питер на учебу в медицинском универе и познакомилась с мо-

им папой. Дальше сами понимаете. Любовь-морковь, они против всего мира, и вот он я. Что-то вроде правнука почившей графини.

Не могу сказать, что ощущаю боль утраты. Я смутно помню прабабушку. Ей в этом году исполнилось бы сто два года.

Помню массивные жемчуга на старческих тонких пальцах и морщинистой шее. Помню, как сидел рядом с прабабкой в библиотеке и читал ей, потому что сама она уже читать не могла. Кажется, это была «Паддин и злая озерная фея»* на английском. Прабабка разговаривала со мной на английском и иногда учила ирландским словечкам, кажется, нецензурным, потому что мама один раз попросила больше не высказываться при ребенке.

— Как ты? — мама подпирает щеку кулачком. Собранные на макушке каштановые кудри растрепаны. Она кутается в объемный свитер болотного цвета.

— Да все окей. Утром бегал, был в школе, потом с «Касатками» тренил. Завтра в школу и в «Легион». Все по расписанию, мам. Не парься. Василиса Николаевна принесла поесть, — иду с телефоном к холодильнику, открываю, показываю контейнеры с мясом по-французски, овощным салатом и пюре. — Будто я не в силах заказать доставку. Хотел с дядей Витей поздороваться, но приехал в десять. Не стал прерывать их идиллию. — Показываю, как открываю контейнеры с едой. Перекладываю в тарелку, разогреваю.

Не собираюсь говорить ей о скандале с записками, об

угрозе отчисления, о травле Авы якобы моими руками. Надеюсь, к приезду родителей смогу разрулить сам.

Мама тихо смеется, и это мне нравится больше, чем ее уныние. Подготовка похорон и вопросы с завещанием, встреча с ее родном мамой, о которой ни слуху, ни духу…

Хотел бы обнять маму сейчас, но это было наше общее семейное решение — я не полечу в Ирландию. Папа скоро будет рядом с мамой и поддержит ее.

— Какой ты у меня взрослый, Фил… — слышу девчачий всхлип.

— Ма, ну ты чего? — прислоняю телефон к стене, запускаю микроволновку. — Тебе мало поводов плакать? Покажи лучше свой ужин.

Мама приносит свою еду: тарелку с зеленью, сыром и перцем.

— Скажу папе, что ты становишься травоядной.

Если бы не матч и не выпускной класс, полетел бы к ней. Но я действительно не хочу пропускать несколько новых тем по алгебре и геометрии — математика и так дается с трудом.

Кстати, о школе. Пока ужинаем, можно спросить.

— Ма, слушай. Хочу в пятницу ребят позвать. Устроить тусу. Не против?

Возможно, это будет прощальная вечеринка вместо выпускного, но родителям пока знать не нужно.

Мама замирает с вилкой у рта.

— Ты и правда повзрослел.

— Ты так решила, потому что я собираюсь запустить к нам в дом толпу подростков?

— Фил. — Мама откладывает вилку и отодвигает тарелку. Я точно скажу папе о ее ужине в стиле сумасшедшей худеющей. — Ты никогда не просил. Напомнить, что ты сотворил, когда мы уехали в театр в прошлом году?

Сейчас кажется, что это был не я, а другой Фил. Тот Фил мечтал о «Легионе», их черно-белой форме и популярности.

— Ну… — криво улыбаюсь маме, отгоняя мысли о «Легионе». Я еще не решил, что делать. — Теперь предпочитаю просить официальное разрешение на разнос.

Мы ужинаем вместе и еще немного болтаем, но, когда мама начинает зевать, заканчивают разговор.

Я сижу на полу в гостиной до полуночи, глядя второсортный матч по телевизору. Наедине с самим собой — и от себя не спрячешься.

Паршивое состояние. Не хочу разочаровывать предков, но все к этому идет.

Я на грани исключения с позорной записью в личном деле.

Я понятия не имею, кто и зачем прикрывается моим именем.

А еще я не перевариваю «Легион». Мне противен профессиональный спорт и правила большой игры. Мне противен игрок, на чье место я претендую через год.

И еще… Вишенка, так сказать, на моем торте. Сегодня в

кабинете директрисы я кое-что понял.

Я, как и в детстве, хочу защищать Аврору. Снова. Словно не было этих пяти лет травли с моей стороны…

Я хочу не просто ее защищать.

Я… Черт, я делал это еще в средней школе… Я все делал, чтобы рядом с ней не было ни одного парня кроме меня…

Мне нравится Аврора. Мне нравится девушка, которую я травил несколько лет.

Так что мы имеем, Воронов?

Разочарование в себе напоминает мне разочарование в «Легионе», когда я вступил в ряды легионеров…

*«Паддин и злая озёрная фея» — это ирландская народная сказка.

Глава 17. Легион

Прошлый год. Начало сентября, 11 класс

Закончилась первая тренировка-знакомство с новичками.

Чувствую себя одновременно выжатым и воодушевленным. Есть куда расти. В клубе, где занимался с детства, явно гоняли не на всю катушку.

Проверяю чат, вытирая потное лицо полотенцем.

Глеб:ну че там, ты все еще в «Касатках»? «Легион» тебя не поимел?

Дима:кто-нибудь понимает, как Абрамова умудрилась обойти меня в тестировании по алгебре? Мы гуманитарии. У всего класса проблемы с математикой, кроме меня.

Глеб: серьезно? Твоя гордость задета НАСТОЛЬКО? Разумовский, что насчет вечеринки в честь лишения кого-то не девственности, а гордости?

Дима:вы гимназисты, а вас сделала новенькая из обычной школы.

Макс:звучишь как обиженный сноб.

Филипп:Глеб, поимел, но не спеши от меня избавляться. Принесу пару уроков dirty play

— Неплохо для новичка, — грубый бас заставляет оторваться от экрана.

Рядом стоит улыбающийся брюнет с мокрыми после душа волосами. Артем Цыкалов. Капитан «Легиона», студент,

разыгрывающий нашей команды.

— Фил, верно?

С ним еще двое: коротко стриженный, покрытый цветными тату легкий форвард Денис Воробьев и атакующий защитник Марк Лукин, который вот-вот должен уйти из «Легиона».

Лукин — моя подростковая фанатская мечта во плоти. Состоявшаяся звезда единой молодежной лиги, КМС и просто тот, на кого я смотрел с открытым ртом пару лет назад. «Легион» переманил его, едва Марку стукнуло восемнадцать. Собственно, то же самое произошло со мной.

— Есть планы на вечер? — Марк кивает на телефон в моих руках. Парни, судя по виду, только из душа.

Новички смотрят с завистью, и отчасти я привык к таким взглядам, но вне спорта. Так, не собираюсь наживать завистников в команде. Типа все за одного и один за всех. Нет?

— В планах домашка и подготовка к тестированиям после каникул, — складываю руки на груди, отвечаю вежливо, но даю понять, что занят.

—Точно, школа… — Марк задумчиво чешет подбородок, смотрит исподлобья, понижает голос. — Не хочешь встретить новый учебный год с огоньком?

— Только я или вся команда?

— Удачи с объяснением, — улыбающийся Артем хлопает Марка по плечу и кивает Денису. Они оставляют нас один на один, и мне уже интересно, что это за финт ушами.

Марк мнется несколько секунд, а когда подходит ближе, в нос бьет запах парфюма. Как у меня.

— Давай на чистоту, Фил. — Он складывает руки на груди, прекращает улыбаться и говорит еще тише. — Ильич предупредил, что ты в перспективе займешь мое место, но тебя нужно хорошенько выдрессировать. У меня нет времени ждать. Взять тебя под крылышко в моих интересах. Да и Ильич хочет, чтоб тебя продемонстрировали хозяевам.

Что за?.. Я ему что, кокер-спаниель на выставках? Каким еще хозяевам?

— А почему ты уходишь?

— Собираюсь пойти по стопам Демина *. Благодаря моему универу я могу уехать по обмену в Штаты. Там пропихнусь в универскую команду, попадусь на глаза скаутам, в идеале дойду до драфт-комбайна НБА*.

Ого… Это… Это очень масштабная цель. Но среди всего сказанного я не услышал одного — команды, за которую он мечтал бы играть. Универская сборная звучит весьма абстрактно. Задаю вопрос, на что Лукин только усмехается.

— Да плевать, слушай. Играю за себя, а не за команду. Пока я студент, надо ловить момент и пропихиваться. Ты в курсе, что в прошлом сезонеконтракт Демина был сопоставим с контрактом звезды «Реала»? Представляешь, какие бабки?

— Не в курсе.— Задумайся. Моргнуть не успеешь, как школу закончишь. В универ поступишь и все. Полноправный игрок «Легиона». Универсиада, молодежная ли-

га…Сначала будешь выходить в «мусорное» время, но если зарекомендуешь себя, то будет огонь. И да, еще момент. Тебя же тоже «Зенит» вырастил? Первая игра против своих бьет по нервам.

Слова задевают.

«Против своих».

Я не думал об этом. Мечтал о «Легионе» лет с тринадцати, но у них нет детской школы, как в том же «Зените», «Локомотиве», «ЦСК». В «Легион» можно попасть только через отборочные матчи, сдачу нормативов и получения званий КМС.

Марк замечает мою растерянность, улыбается и хлопает по плечу.

— Дуй в душ, новичок. Поедем в «Гранж».

***

То, что я узнаю в эту ночь в «Гранже», полностью меняет мое представление о профессиональном спорте.

Здесь отдыхает спонсор «Легиона»: владелец сети букмекерских контор, наживающийся на ставках.

— Он зависает тут, когда прилетает в Питер. Любит посмотреть на новичков. Ильич сам отправляет избранных пацанов сюда со старичками, — орет на ухо Артем, пока я в диком шоке перевариваю инфу.

Никогда не задумывался о том, почему в таком популярном клубе нет детской школы, но все оказалось слишком просто: на детско-юношеские матчи нельзя делать ставки.

«Легион» не просто клуб — это инструмент заработка. Договорняки, слитые матчи, купленные судьи. В этом году намечается грандиозный отмыв бабла: легионеры же три года подряд берут кубки всероссийской лиги. Ставки на них запредельные. И все, кто поставят — проиграют. Потому что в этом году «Легион» сольет финал.

Я сижу за круглым столиком в вип-кабинке, кручу в руках бокал с коктейлем и не верю в то, что узнал. Не могу понять, где оказался.

Темные стены, давящая на виски музыка, толпы людей, которые кричат друг другу в уши, чтобы перекрыть басы. Рядом не касатики, а незнакомые люди. Парни, полуголые девчонки у них на коленях, какие-то мужики в костюмах — к нам то присоединяются, то уходят.

Артем и брюнетка устраивают шоу на радость публике, и мне кажется, что им нужно снять комнату. Денис утащил двоих, бросив напоследок, что мне нужно научиться отдыхать. Он оставил пару купюр танцовщице, которая клеится ко мне уже полчаса. Еще немного — и ее рука протрет дырку на мох джинсах.

— Я сваливаю, — отстраняюсь от решившей честно отработать блондиночки, но она цепляется за мою руку, а ее нос утыкается мне в шею.

— Да ладно, чего ты, — меня стошнит сейчас от цветочного аромата, от приторного голоса и липких прикосновений. — Хочешь, все сделаю сама?

Хочу, чтобы ты перестала об меня тереться.

Меня от нее воротит. Или от себя и способа отдыха легионеров. Они не парятся из-за приближающегося начала сезона. Им обещали, что первые полгода они стабильно будут выигрывать. Зачем мне это?

Край — когда она прикусывает мочку уха. Грубо отталкиваю девицу, поднимаюсь и направляюсь к выходу.

Проталкиваюсь сквозь толпу. Темнота, пульсирующий в такт биению сердца неоновый свет, биты — черт, дышать становится тяжело.

Это клуб. Это клуб. Это клуб. Это не будка. Это не та будка. Мне не десять. Это клуб.

И тут вижу то, от чего ноги прирастают к полу. Я больше не могу вдохнуть.

Лукин. И какая-то девушка. У бара.

Она обычная. Неброская. Джинсы, черный топик, никакого гламура. Таких в клубе сотни. Но сейчас мой мир сужается до этой рыжеволосой девчонки.

Марк нависает над ней — вижу его спину. Вижу, как он наклоняется ближе, а воображение рисует, как его пальцы впиваются в ее талию. Я будто под гипнозом наблюдаю за парочкой.

Рождающаяся в груди злость не такая, как обычно. Не вспышка, не отключающая мозг эмоция, не феерия. Эта злость другая. Осознанная, медленно расползающаяся по венам.

Девчонка что-то говорит, отворачивает голову, но он не слушает. Она толкает его в грудь — но это как пытаться сдвинуть скалу. Никто не видит?

— Отвали от нее. — Голос звучит резко даже для меня самого. Марк оборачивается. Девчонка смотрит с… надеждой?

Я не тот, на кого ей стоит надеяться. И тем не менее я тут.

— Тебе че, алкоголь в голову ударил? — придурок еще и пьяно усмехается.

Девушка молчит, только едва заметно качает головой. Эта новая злость заставляет стиснуть зубы и сжать кулаки, но я не бросаюсь в драку сию же минуту. *Я соображаю.*

—Ты не в себе? — это он мне? Сам явно не в себе.

Киваю ей, чтоб уходила. Марк дергает ее за руку: перед глазами проносится воспоминание. Аврора. Ее крик, падение, перелом. Второй раз при мне этого не будет.

— Мы не договорили, — Лукин обращается к девчонке, не отпуская.

— Нет. Вы договорили.

Марк выше. Крупнее. Студент, блин, у которого тут вся команда, готовая заступиться. Что я делаю? Использую эффект неожиданности. «Слабоумие и отвага» — мое второе имя.

Все происходит за секунды.

Дергаюсь вперед, пальцы впиваются в кожаный воротник его рубашки. Рывок. Марк летит на стойку бара, его затылок

вот-вот встретится со столешницей.

Девчонка взвизгивает, отскакивает, но сейчас не до нее.

Марк не ожидал, но реагирует быстрее, чем я рассчитывал. Его кулак взлетает, я уворачив… Черт!

Кулак встречается с моей челюстью. Голова дергается назад. бБоль — резкая, обжигающая, как будто кто-то воткнул раскаленный гвоздь в скулу.

— Черт!

Вряд ли сломал, но… блин, больно!

Марк вырывается, его глаза горят — в них не страх, а злость. Второй удар в лицо. Уворачиваюсь, но не до конца — его кулак задевает мой нос.

Вспышка. В глазах белые искры, в ушах — звон, но адреналин уже затмевает все.

— Разнимите их! — чей-то крик рвется сквозь музыку.

Не останавливаюсь, потому что проклятый адреналин растекается по венам! Толкаю пьяную тушу обратно в бар, вжимаю. Марк не ожидал, что я не отступлю.

— А весело с тобой, — шипит. Не успеваю среагировать и оказываюсь на полу. Его колено впивается мне в живот, выбивая воздух.

*Егор Владимирович Дёмин - российский баскетболист, играющий на позициях разыгрывающего защитника. Считался одним из лучших российских игроков, в сентябре 2021 года, в возрасте 15 лет, подписал шестилетний контракт с

мадридским «Реалом».

*НБА (NBA — National Basketball Association, Национальная баскетбольная ассоциация) — это профессиональная баскетбольная лига Северной Америки, объединяющая клубы из США и Канады. Считается сильнейшей лигой в мире, задающей моду на стиль игры и формирующей тренды в баскетболе.

Глава 18. Разочарование

Филипп

— Завязывайте! — Артем хватает Марка за шиворот, оттаскивает от меня. Отряхиваюсь, сажусь на пол.

Вытираю кровь с губ. Только сейчас чувствую… Разбитый нос. Распухшая щека. Дрожь в руках.

И всем плевать. Кто-то снимает на телефон, кто-то отходит подальше, кто-то кричит, чтоб Арт не портил веселье.

Вот, значит, как это, да? Ты это чувствовала? Всем было плевать?

Ненавижу…Как же чертовски сильно себя ненавижу в этот момент. А Марк растягивает губы в глупой радостной улыбке.

— Понравилась, да? — кивает в сторону выхода. — Дарю! Только не очаровывайся… У нее таких, как ты, десяток побывало.

Не отвечаю. Просто разворачиваюсь и иду к выходу. К черту этот клуб. К черту этот «Легион». К черту всех, кому плевать. И меня к черту.

Когда вылетаю на улицу, ночной воздух холодит разгоряченную кожу подпорченного лица. Вдыхаю полной грудью отрезвляющий влажный воздух.

— Ну ты и феерия, новичок, — сбоку материализуется Артем, вероятно, желающий сказать, какой я идиот. Плевать.

Поймаю такси, уеду домой, а завтра уйду из «Легиона».

— Вспыльчивый? Или реально девчонка понравилась? — в ответ на предположение усмехаюсь.

«Не люблю придурков и тех, кто отыгрывается на слабых».

Я. Хочу. Это. Сказать.

— Приятно было познакомиться, — вот и все, что выдавливаю, пока вызываю такси.

— Вспыльчивый, значит. — По-взрослому снисходительно произносит Артем, задевая что-то глубоко внутри. Видимо, совесть проснулась после многолетней спячки.

— Это все не мое, — оборачиваюсь к капитану, и крик души рвется наружу. — Я себе не так представлял… Все! Вообще все это!

— Добро пожаловать во взрослый мир. — Арт спокоен как удав. Чем-то напоминает Юсупова. — Послушай внимательно. Лукин иногда перегибает... Слушай, скажу разочек, больно меня ты напоминаешь. «Легион» — плацдарм в мир большого спорта. Не торопись. Здесь не только баскет, но и связи. Ты же из Альмы, должен понимать, о чем речь.

— Я хочу играть…

— Так играй. Просто играй за себя. «Легион» сделает имя, портфолио, даст знакомства. Они штампуют нам славу. Года два продержись.

— Я не собираюсь никуда переезжать. Кроме «Легиона» полно достойных клубов.

— Тебе и восемнадцати нет, Фил. Ты сейчас затеял драку на эмоциях: окей, мы все так делали. Но принимать важное для карьеры решение нужно на холодную голову. Еще один совет: увеличь нагрузку. Если нужно, тренируйся каждый день, но не давай волю эмоциям. Не слушай бред про отдых — иногда таким, как мы, нужно выплескивать дерьмо в спортзале. Доводить себя до той точки, когда сил на выкрутасы не остается. В тебе полно дури. Так работай, а не лезь в драки.

После слов Арта я немного успокаиваюсь и пытаюсь рассуждать здраво.

Глупо бросать клуб: я потратил полжизни на тренировки, а слитые матчи – не то, из-за чего стоит вставать на рога.

Я выхожу из такси у своего дома, когда в телефоне светится уведомление, и я принимаю заявку в друзья от Алексея Воробьева. Пацан сделал из меня кого-то вроде кумира и нашел в соцсетях.

Одобрив заявку, читаю сообщение о том, что он хочет записаться на баскетбол. Просит потренировать его.

Воронов, да ты просто ходячее вдохновение и мотивация.

Отправив в ответ «огонь» и «с тренями посмотрим», я так и стою на улице между домами. Смотрю на особняк Бестужевых, и сам не знаю зачем перехожу дорогу.

Василиса Николаевна, наверное, если увидит меня на их территории, сделает куклу Вуду. Ну, или что-то в таком духе.

Но я все равно сажусь на газон у въезда в гараж и при-

слоняюсь затылком к кирпичной стене, закрываю глаза. Какое-то тотально черт знает что…

Сижу под ее домом как побитый щенок…

Звук подъезжающей машины не заставляет меня шелохнуться. Открыв глаза, наблюдаю, как черный внедорожник заезжает в гараж, слышу, как двигатель глохнет. А через несколько секунд на ко мне выходит отец Авроры.

Виктор Александрович смотрит на меня сверху вниз, сложив на груди руки, а я не тороплюсь подниматься. Сил тупо нет.

Я не видел батю Авы с лета: сначала лагерь, а потом наши семьи впервые за последние несколько лет отдыхали на море не вместе.

— Здрасте, — тихо выдавливаю, но в ответ тишина. — Втащить мне хотите? — пытаюсь пошутить, но штука выходит так себе. Не выдерживаю его тяжелого взгляда, опускаю взгляд на свои руки.

Он, наверное, на пару с Василисой Николаевной меня не переваривает теперь…

Финиш, Воронов. Финиш, приехали… Откатить назад и поправить не выйдет.

— Иди домой, Филипп, - раздается над головой. — Родители будут переживать. Уже поздно.

Он разворачивается и уходит обратно в гараж, а я… Я поднимаюсь и тащусь за ним следом. Топчусь, как ребенок у входа, наблюдая, как дядя Витя достает из багажника сумку

с ноутом и блокирует тачку.

— Я не хотел, чтобы Ава сломала руку, — жалко блею в оправдание, не зная, как и что говорить.

— Я бы удивился, если бы хотел. — отвечает, подходя к двери, ведущий сразу в их дом. — Попахивало бы садизмом. Иди к себе, Фил. Мне нужно закрыть гараж.

Я упрямо стою у входа, засунув руки в карманы джинс. Смотрю на человека, учившего меня драться. На человека, который катал на шее в детстве. На человека, который приходил вместе с батей на каждую мою игру.

На человека, который сейчас по ходу даже видеть меня не хочет.

В школе меня отправили к мозгоправу, мать и отец точно готовы выслушать – это я знаю. Но хочу поболтать с отцом Авы.

— Сейчас я отведу тебя домой за шиворот, как щенка. Я не Кирилл.

— Да я тоже, как оказалось, не копия отца. Не умею сначала думать, потом делать.

Он смотрит на моё лицо. На разбитый нос, на опухшую щеку.

Знаю, дядь Вить. Заслужил. Доперло поздно. Все лето понадобилось. И еще клубешник с Марком на сдачу…

— Я с пятого класса травил Аву из-за обиды, — говорю я. Не оправдание, а признание. Я ж дома, конечно, вел себя иначе. А Ава молчала. — Но после линейки в мае… сам не

знаю, зачем это сказал.

Я уверен, что сейчас он приложит меня носом к коленке. Должен. Как отец Авы. Как мужчина, который научил меня драться.

Пауза затягивается.

Он поджимает губы, словно хочет что-то сказать, но не говорит. Я не дышу. Жду.

— Аврора вернётся зимой, — шумно выдохнув, дядя Витя вдруг смотрит прямо на меня как-то… беззлобно. С жалостью что ли. — У тебя будет шанс извиниться перед ней. А сейчас иди домой, Фил. Поздно уже.

Камень с души.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

— Так вы… — *не убьете меня?*— ну типа… Если хотите врезать, можем встать на ринг. Как раньше. — Заканчиваю неуверенно и жалко.

— Не собираюсь я тебя бить. — Хмыкает мужчина. — Не собираюсь я тебя бить. После возвращения Авроры принесешь ей извинения. И больше, Филипп, ты к моей дочери не подойдешь.

— Обещаю.

***

Трель домофона нарушает полуночную тишину и мою тревожную дремоту. Лениво тащусь к двери, открываю.

Глухой удар сердца отдается в ушах.

Ледяной воздух бьет в лицо.

Аврора.

В расстегнутом розовом пуховике, с розовыми щеками. Она сжимает в руках стеклянный контейнер, из которого пахнет... шарлоткой? Серьезно?

Глава 19. Ночная шарлотка

Аврора

Все хорошо. Все хорошо. Все хорошо.

Только вот от волнения меня моментально бросает в жар! А от глупой сцены, где Фил стоит на пороге в домашних серых шортах и футболке с музыкального фестиваля «Белые ночи», смотрит сверху вниз и молчит, дрожат руки и коленки!

Наверное, он удивлен не меньше меня. Да я даже себе не могу объяснить, зачем пришла: кажется, просто не хочу быть человеком, который упивается чужим горем? Да?

Даже если это горе моего личного монстра.

— Мамина шарлотка, — протягиваю стеклянный контейнер, глядя под ноги. Я в сапогах. Он — босой. Порог — невидимая граница, которую никто не перейдет. — Я… уже разогрела.

Я собиралась лишь отдать шарлотку, сказать, что соболезную, но под пристальным взглядом замерла.

Возьми ее, пожалуйста. Возьми и не задавай вопросов.

— Зайдешь? — голос хриплый, словно Фил только проснулся. А его вопрос отдает еще большей ненормальностью, чем мой поступок.

«Зайдешь?»

Это невозможно: между нами ведь ничего не меняется.

Все те же обиды, недосказанность и ненависть. Это просто минута перемирия, потому что я понимаю боль его утраты. Помню, как тосковала по деду, когда его не стало.

Терять близких больно.

Шершавые от возраста, но самые нежные бабушкины руки. Дедушкин хриплый, но искрящийся теплотой голос. Их родные объятия не забываются никогда. Время стирает детали, вымывает из памяти краски, но бабушки и дедушки остаются в наших сердцах навсегда.

Я знаю, что Фил редко летал в Ирландию, но в далеком, запертом на тысячу замков уголке памяти храню его истории о сказочной пожилой графине, учившей его смешным ирландским словечкам.

Зайду ли я?

— Нет. — Я поднимаю голову, решившись заглянуть в его лицо. С четко очерченной линией подбородка, без детской припухлости. С широкими бровями и длинными ресницами.

Знаю, он давно уже нравится девчонкам.

Знаю, что нельзя так думать. Знаю, что делаю себе же хуже. Знаю, что завтра в школе снова увижу поджатые губы и презрительный прищур, но сейчас отрицать яркую, почти слепящую красоту не выходит. Медь волос, темная радужка глаз, едва заметная россыпь веснушек — все это было слишком родным.

Да. Терять близких больно. Например, близких друзей.

— Я просто... узнала про твою прабабушку. Мне жаль.

Правда, — настойчиво протягиваю контейнер, буквально впихиваю ему в руки так, чтобы не дотрагиваться пальцами до его пальцев и больше всего в жизни хочу сбежать.

Глупая, глупая была мысль! Самая дурацкая на свете!

— Спасибо, — его голос срывается на последнем слоге. Фил смотрит на контейнер как на что-то нереальное.

Вот и все. Иди отсюда, Ава! Беги!

Мой шаг назад. Его взгляд на контейнер. На меня.

Нет, все, хватит!

Я разворачиваюсь и быстро шагаю, но тут же в спин прилетает громогласное:

— Стой!

Не оборачивайся, Ава. Не смотри. Не...

— Ава! Стой! — звучит совсем близко.

— Я же сказала, что не… — я резко торможу у проезжей части, все же оборачиваюсь.

О боже… Боже, блин! Идиот!

— Ты больной, ясно?! — Фил в метре от меня! И мой голос срывается на фальцет, потому что капец!

— Учти, я в таком виде дойду даже до твоего дома. — Наглец заявляет самоуверенно, подходя ближе. А я не могу сдвинуться с места!

Фил! Босой! На ледяном асфальте! Без куртки, без шапки, без чертовой обуви! Босой!

— Посиди со мной.

— Я знала, что ты идиот, но не знала, что настолько! —

выкрикиваю облачко парауже почти в обтянутую футболкой грудь. Так близко он подошел, я отшатываюсь, а мой взгляд мечется от его нахальной улыбки к ступням и обратно к лицу.

— Ты босой, Фил!

Я, конечно, капитан очевидность, но блин!

— Я в курсе. Холодно капец, — судя по посиневшим ступням еще как холодно! Но стоит, как столб. Даже не топчется.

— Я иду домой! И тебе советую.

— Тогда я тебя провожу, не против?

Я зло зажмуриваюсь.

Идиот. Эталонный идиот. Таких еще поискать!

— Фил!

— Что? Мило болтаем же?

Ага, не то слово! Я слышу фальшь в самоуверенной интонации. Я вижу, как на самом деле ему холодно, как быстро синеют губы и как начинает мелко дрожать подбородок.

Конечно, ему безумно холодно!

— Пожалуйста, — Фил вдруг выдыхает еле слышно. И я сдаюсь.

***

Происходящее похоже на тревожный сон или одну из тех хрупких фантазий, что приходят в полудреме.

Сижу ли в знакомой гостиной на самом деле? Выходила ли из дома или так и уснула за уроками?

Пальцы щекочет пушистый плотный ворс серо-белого

ковра. В телевизоре — баскетбол. Такое мне точно не могло присниться. На черном глянцевом журнальном столике несколько больших свечей, от которых едва уловимо пахнет черным перцем и ванилью — любимый аромат тети Ати.

Что я здесь делаю?

Фил возвращается с кухни, в его руках две кружки. Садится на пол, упирается в мягкую обивку гигантского графитового дивана — я отодвигаюсь на несколько сантиметров. Бок о бок сидеть лучше, чем напротив, но слишком маленькая дистанция заставляет воздух искрить от... неловкости, недосказанности, ненависти. Полутьма комнаты не добавляет происходящему ни грамма реальности. Напротив, тусклый свет контурной подсветки и яркие вспышки на экране делают атмосферу более тревожной.

— Черный, теплый, одна ложка сахара, — кивает на кружки, которые он постави между нами. В одной какао. В другой — чай.

Это розыгрыш? Новая игра? Он хочет, чтобы я отозвала сегодняшние обвинения?

Представляю, как сделаю глоток, а с чаем окажется что-то не то. Подавлюсь, кто-то снимет видео, и он будет надо мной смеяться?

— Думаешь, я отравил чай?

— Скорее плюнул в него.

Хмыкнув, Воронов хватает мою кружку и отпивает. А я решаю, что теперь точно к ней не притронусь.

Он молча сидит с моей кружкой, и несколько секунд длится наша игра в гляделки, но… Надо же. Фил сдается первым. Ставит чашку на пол и грустно улыбается.

— Да брось. Мы буквально ели из одной тарелки.

Нормальное поведения Фила выглядит чужеродно. Незаметно я смотрю по сторонам. Прислушиваюсь.

— Здесь никого нет. — Фил берет свою кружку. — Мама позавчера улетела. Папа полетел сегодня к ней с двумя пересадками. Я не ложусь, потому что его самолет приземлится в два по нашему времени. Жду сообщение, что долетел.

— А ты почему не полетел?

Зачем я поддерживаю эту беседу?

Я не знаю, я… На душе скребут кошки, мне кажется, я сдела что-то неправильное, я зря согласилась зайти, я…

— Маме еле выцепили билет, — тихий голос бывшего друга нарушает поток моих кружащих вихрем мыслей. — Папа ей нужнее сейчас. Там волокита с наследством. Папа поможет с организацией похорон. Да и… игра скоро. Подготовка к ЕГЭ. — Он делает глоток, и я вижу, как двигается кадык. — Бабуля точно не обижается. Она вообще была дама необидчивая.

Между нами воцаряется тишина.

Подтянув коленки к груди, я обнимаю себя руками. Так можно представить, что мы правда сидим, как в детстве. Вместо мультиков, правда, Фил выбрал никому не нужный матч.

Так проходит минут пять, а, может и десять. Фил нарушает волшебство момента тихим вопросом.

— Это странно, что я помню только детали? Расплывчатый образ и все.

— Нет, наверное, — так же тихо я отвечаю. — Я не могу вспомнить лицо дедушки в деталях, но помню запах его одеколона. У него платок всегда пах. Резкий запах. И помню, как он маму всегда называл Васечкой.

И мы снова молчим.

А через какое-то время я ловлю себя на том, что тайком рассматриваю Филиппа Воронова. Не только лицо… Я смотрю на его запястья с браслетами, на предплечье с рисунком вен, на мышцы, не скрытые рукавом футболки…

Супер, Аврора. Ты пялишься на его руку.

Слава Богу, мой бывший друг внимательно следит за игрой. Ведь иначе как объяснить, что он до сих пор не отпустил язвительный комментарий в мой адрес?

Хватит, Ава. Отвернись уже! Смотри на свечки. На ковер, на телевизор, да куда угодно!

Только вот мой взгляд приклеился теперь уже к его красивому лицу. Кажется, я перестала дышать, когда в полутьме заметила старый крошечный шрам над бровью. Фил прочесал лицом асфальт, когда в семь упал с велосипеда…

— Ава?.. — наши взгляды сталкиваются, и мое сердце летит в пятки. Черт!

Черт-черт-черт! И давно он за мной наблюдает?!

Я резко отворачиваюсь, чувствуя, как полыхают щеки, да каждый сантиметр горит огнем от стыда! Господи, о чем он подумает?!

— Это не я, — вдруг сипло выдает Фил, пока я вспоминаю, как делать вдохи и выдохи — С записками.

Словно ледяная вода обрушивается на мою голову и тушит пожар вспыхнувших странных чувств.

Я резко втягиваю воздух, возвращаясь в реальность, в которой есть анонимки и король школы, который унижал меня несколько лет.

— Все, что я хотел тебе сказать, я говорил в лицо. — а Фил продолжает говорить, даже когда я поворачиваюсь, чтобы сказать «пока». В потемневших, кажущихся почти черными, глазах так много усталости. Так не должно быть у восемнадцатилетнего короля школы и любимчика публики. — Даже самые дерьмовые вещи. Я никогда не прятался.

Я бы хотела верить. Но как выкинуть из головы мальчишку, указавшего на Фила? Как выкинуть годы оскорблений и насмешек? Как можно не принимать во внимание доводы рассудка? Что делать — душа бьется, желая снова поверить мальчишке из соседнего дома?

— Я знаю, что ты не веришь. Я бы и сам не поверил. Да никто не поверит.

— Думаешь, мальчик… Зачем он сказал, что это ты? — после паузы я говорю так тихо и неуверенно, что удивительно, как Фил разбирает слова.

— Не знаю. Кто-то шугнул, наверное. Ты замерзла? Принести плед? — так буднично и спокойно спрашивает, будто мы каждый вечер так сидим. И это пугает, сбивает с толку, путает все мои мысли сильнее.

— Нет, Фил. Мне пора, — я поднимаюсь на ноги.

— Посиди еще немного, — а Воронов прожигает во мне дыру своим взглядом, продолжая сидеть.

— Нет.

— Тогда я провожу, — он мило мне улыбается.

А мое сердечко предательски спотыкается.

— Не надо меня…

— Босиком. Будешь за меня переживать? — и хлопает глазками!

Дурак, блин! ДУРАК!

— Зачем?! Зачем ты вообще вышел босиком?! — как же мне хочется прямо сейчас его стукнуть!

— Иначе ты бы не согласилась.

— Это шантаж, Филипп!

И я даже не хочу задумываться о том, почему я на него так глупо ведусь! Пусть идет! Пусть болеет!

— Возможно. Еще полчасика.

— Ты невыносим!

А ты все еще тут, Ава.

— Возможно. Но ты все еще здесь.

— Воронов!

— Ну, ладно-ладно, — Фил довольно улыбается, не скры-

вая радость от своей маленькой победы. — Минут на двадцать.

Я зло плюхаюсь обратно на ковер, обиженно соплю. Сложив на груди руки, упрямо молчу. А этот идиот сидит и просто смотрит игру!

Вот зачем я ему тут?!

— С соком ты, конечно, отожгла сегодня, — спустя какое-то время Фил поворачивается ко мне с дружелюбной улыбкой, которую замечаю боковым зрением. Но я отворачиваюсь и показательно храню молчание.

В телевизоре продолжает бубнить комментатор. На полу между нами — две кружки. Да какие кружки! Между нами целая пропасть!

— Цербер сказала, что меня, скорее всего, попрут на днях. Скучать. Я так понимаю, не будешь, — я слышу в его голосе что-то такое, чему не могу дать название.

Ава-Ава, надо бы радоваться, а ты…

Ерзаю, пытаясь подобрать слова, выразить то, что кипит внутри. Меня захлестывают вина, обида, злость, боль… Где там радость, а?

— Я… — делаю вдох и выдох. — Не хотела так. Хотела просто рассказать родителям, но когда я увидела последнюю записку… Снова «уродина». В жизни не была так зла. В столовой сама себя не контролировала… А ты рубашку постирал?

— Говорю же, отчислят меня. Вряд ли она мне пригодит-

ся, — Фил хмыкает.

—Так не стирал?

— Ну-у-у, как сказать… — он так несчастно вздыхает, что я начинаю хихикать. Наверное, это все нервы.

— Бросил в машинку с синими спортивными шмотками и короче… — Фил запускает пальцы в растрепанные волосы, и я почему-то смеюсь по-настоящему. Догадываюсь, что произошло с несчастной рубашкой.

Мне кажется, Фил смотрит как на дурочку. Он отворачивается, кашляет в кулак, и в свете телевизора замечаю легкий румянец на щеках.

— Ты не заболел? — задаю вопрос совсем искренне, сама от себя такого не ожидая.

— Да я… это… — он выглядит так, словно вот-вот снова закашляется. И что я творю? Подползаю! Моя ладонь ложится на его раскаленный лоб.

— Горячий, Фил.

— Какой неоднозначный симптом, — улыбается. Только меня его шуточки не беспокоят сейчас. А вот вероятность заболеть — очень даже.

— Иди за градусником.

— Проверь другой рукой.

— Я серьезно.

— Тогда я кое-что проверю, — и после этих слов Фил вдруг резко притягивает меня к себе.

Филипп Воронов прижимается губами к моим губам. Ши-

рокая ладонь лежит на моей шее, а я… Я застываю. Даже глаза закрыть не могу…

Обжигающие.

С привкусом сладкого чая и чего-то совсем нового…

Судорожный выдох Фила меня опаляет. Сжигает. Дотла.

Это...

Он...

Сейчас…

Я не дышу.

Не думаю.

Не отвечаю.

Я вся стала оголенном проводом, натянутым нервом… Я только чувствую. Как его губы двигаются на моих… Как его дыхание смешивается с моим… Как все внутри меня сжимается в тугой узел…

И я закрываю глаза всего на секунду.

На секунду я позволяю губам разомкнуться. Углубив поцелуй, Фил подаётся вперёд, его рука скользит вверх по моей шее, и мое сердце останавливается, окончательно потерявшись в его напоре…

Аврора!

Что ты творишь?!

Это предательство самой себя! ТЫ ЦЕЛУЕШЬ ЕГО!

Мысленного кричу я и в ужасе дергаюсь назад, едва не падаю спиной на ковер. А Фил не двигается. Он не шевелится, не отрывает от меня своего горящего взгляда, он даже не

моргает!

На долю секунды мы смотрит друг другу в глаза… и на его губах расцветает улыбка. Фил выглядит так, будто выиграл Кубок школ!

— Ты все еще в меня… — с размаху я впечатываю свою ладонь его щеку!

— Надеюсь, ты вылетишь из «Альмы» завтра же, — шиплю с дикой ненавистью и убегаю из проклятого дома, прижима к себе горящую от удара руку.

Ненавижу!

Губы полыхают огнем и покалывают. Смыть. Смыть. Смыть!

Ненавижу!

Улица. Дом. Коридор. Лестница.

Ненавижу!

Будь ты проклят, Воронов. Будь. Ты. Проклят!

Филипп

Щека полыхает.

А я улыбаюсь, глядя ей в след.

Я обещал отцу. Директрисе. Дяде Вите. Всем обещал не подходить к Аве.

Но теперь я могу думать только о том, что хочу поцеловать ее еще раз.

Глава 20. Утренний гость и странные переписки

Аврора

Наступило утро. Что мы имеем? Бледное лицо и воспаленные глаза с полопавшимися капиллярами. Прелестно.

— Черт, — ругаюсь, когда третья попытка вставить линзы заканчивается неудачей. Я так к ним привыкла, что давно уже ношу не шесть-восемь часов, а все двенадцать. Вставляю рано утром. Вынимаю к ночи перед сном. А этой ночью легла с ними спать.

До утра крутилась, вертелась, мысленно ругалась на себя и на него.

Подумаешь.

Это даже не поцелуй!

Если он так ужасно целуется, не завидую Полине. Или с кем он там практикуется.

Да это даже не мой первый поцелуй, потому что я, на минуточку, не принимала участия в процессе. Ну, может принимала… Но зачем вообще нужно было это делать?!

Среди круговорота бесконечных мыслей только часов в пять утра поняла, что лежала в линзах. Пара часов перерыва не помогли.

С отвращением беру в руки очки. Все расплывчато на-

столько, что не вижу пальцев на собственной руке! Приходится поднести почти к носу, чтоб увидеть проклятую толщину линз.

«Ты все еще уродина».

Голос в голове звучит так четко, будто его обладатель стоит за спиной.

«Это не я!»

Отлично, у меня в голове спорят два дебила.

«Посмотри в зеркало».

«Все, что я говорил, я говорил в лицо».

Надеваю очки, и мир обретает четкость. Но мои собственные глаза кажутся меньше. Снова блеклый серо-голубой. Снова испуганное лицо. Снова «гугл-глаза» смотрят на меня в отражении.

«Все будет хорошо», — повторяю, пока не начинаю потихоньку в это верить.

Я не одна ношу очки, а значит, дело не в них. Может, стоит взять у Саши пару уроков словесной самообороны.

Слышу короткий сигнал автомобиля: папа уже внизу, машина нагрелась. Выглядываю в окно и едва сдерживаюсь, чтобы не ругнуться.

Что *он*там забыл?! Стоит во дворе, беззаботно болтая с моим отцом, будто событий ночи вообще не было. Будто я не давала ему пощечину. Будто он не целовал меня.

Да не было никакого поцелуя!

Это непонятное нечто нельзя назвать поцелуем. Вот так

и буду думать: фу, обмен бактериями, после которого пришлось дважды чистить зубы и полоскать рот.

За пять минут успеваю трижды споткнуться о собственные ноги. Пока завтракаю, проливаю чай. Будь проклят этот день! И Фил. Надеюсь, он так и не уснул, постоянно икая, пока я его вспоминала

Нет, плевать! Мне плевать, что он делал ночью.

— Папа! — мой голос нарочито звонкий, когда выскакиваю на крыльцо в расстегнутом пуховике. Отец оборачивается, улыбается и что-то говорит Филу. Этот идиот кивает, переводит взгляд на меня и, засунув руки в карманы, смотрит с нахальной ухмылкой.

Весело, да? Вернулся очкарик? Что, отбила я желание лезть целоваться?

Какой бы злой и раздражительной я ни была, все же стесняюсь и стараюсь не поворачиваться к Филу лицом.

— Доброе утро, принцесса. Ты сегодня быстро.

— Надо успеть с Сашей зайти в библиотеку, — папа целует в щеку. Показательно игнорирую негромкое «привет» сбоку.

— Мы только тебя и ждали. Прыгай и полетим.

Прыгать не спешу, потому что замечаю раздражающую победную улыбку на лице придурка.

— Мы? А он тут что забыл? — небрежно киваю в сторону парня, все еще не желая разворачиваться к нему лицом. Нет, я знаю, что Фил с детства восхищался папой и постоянно лез

к нему на руки, на колени и на шею, но сейчас-то что он тут делает?

— Ава…

— Все нормально, дядь Вить. Заслужил, — елейным голосом, от которого сводит желудок, Фил перебивает папу. — Водитель заболел, предков нет. Я мог бы взять мамину тачку, но, думаю, дэпсы* не оценят. Твой папа меня подвезет. — Фил улыбается папе, празднуя победу. Мы безоружны.

— Чудесно, — цежу сквозь зубы.

Удивительно, что ты не валяешься в горячке.

Папа открывает дверь и поторапливает нас.

Стиснув зубы, залезаю в папин танк на переднее сиденье, пока Фил швыряет рюкзак и разваливается сзади. Демонстративно достаю телефон, листаю видео, пока мы лихо вылетаем на дорогу. Не представляю, как папа заставляет эту махину ездить так, что иногда вжимает в спинку сиденья.

Как только выезжаем из поселка, на телефоне всплывает сообщение в новом чате.

***

Филипп:А где линзы?

Очки сползают к кончику носа. Моргаю, фокусируюсь: действительно висит непрочитанное сообщение.

Он там головой к окну приложился?

Филипп:В них на самом деле неудобно, да? Ты же вчера ночью в них была. Не делай так больше, у тебя глаза красные. Зачем ты вообще их носишь?

Снимаю очки, тру глаза, снова надеваю. Еще три сообщения подряд.

Филипп:Я кое-что вспомнил. Мы уже целовались.

Филипп:Как насчет поговорить? Кажется, нам есть, что сказать друг другу.

— Ава, если твой Матвей не угомонится, его угомоню я. — Внезапный папин комментарий заставляет выпасть в осадок. — Восьми утра нет. Скажи Ромео, чтобы прекращал написывать днями и ночами. Ты явно не выспалась.

Бли-и-ин, папа!

Отключаю звук уведомлений, представляя , какая я сейчас красная. Они сговорились? Утро под девизом: «Доведем Аврору до смерти от неловкости?»

— Матвей пишет только по делу, пап. Мы обсуждаем репертуар для дуэтов, — бубню в пуховик, вспоминая, точно ли я проснулась или это продолжение ночного кошмара.

Филипп:Это студент, который приезжал к школе? Почему «твой» Матвей?

— Где собираетесь выступать?

Да блин, блин! Не при Воронове, пап!

— Пока не знаю. Сегодня первая совместная репетиция. Расскажу вечером.

Филипп:Окей. Давай играть в молчанку. Поговорю с твоим отцом.

— Дядя Витя, знаете, что я делал сегодня ночью? Ни за что не поверите.

ВОТ ПРИДУРОК!

Печатаю со скоростью света.

Аврора:Ненавижу тебя

— Я знаю твоего отца всю жизнь, так что поверю вообще во все. — Папа поворачивает, не сбавляя скорости, и я начинаю думать, что приеду в школу слишком рано.

Надо сообразить, куда сбежать до начала уроков, чтобы не видеть рыжего черта.

— Принял решение закаляться.

Филипп:Тебе не кажется, что «твой Матвей» стал заезжать за тобой, когда ты решила поиграть в куклу?

Аврора:Чья бы корова мычала! Для тебя самого давно все изменилось?

Филипп: Один разговор. Мы оба знаем, что тебе не нужно в библиотеку. Абрамовой не будет в школе. У нее олимпиада по математике.

Аврора:Куда делись крыса, уродина, ботаник, очкозавр? Ты поспорил на меня, да?

Филипп:Прекрати так себя называть.

Клянусь, я чуть не оборачиваюсь в этот момент, только чтобы проверить: точно ли там *тот самый*Филипп Воронов? Точно ли он в себе?

Ловлю веселый взгляд в зеркале заднего вида и… Ух, ну, это будет самое длинное сообщение от меня, которое он получит.

Аврора:Так это я сама себя так называю? Какие ново-

сти! Это твой план по спасению от отчисления? Я должна пойти к директрисе и сказать, что ошиблась? Что сама подговорила мальчика, сама себе все это подбросила, потому что хотела наказать тебя?

Филипп:Ты знаешь слово задница? Было бы забавно услышать, как ты ругаешься))

Аврора:С тобой невозможно разговаривать

Филипп:если кинешь в чс — напишу в чат класса

Филипп: Можем просто продолжить то, что было ночью. У меня проблемы, когда нужно говорить словами через рот. Без разговоров проще. Язык тела доходчивее.

Прикусив губу, чтобы хоть как-то спрятать злорадную улыбку, пишу всего одну фразу.

Аврора:не в твоем случае

Филипп:????????

Филипп:Это провокация. Ты со мной флиртуешь?

Я тебе, идиоту, сказала, что ты целоваться не умеешь. Где ты флирт усмотрел?!

— Приехали. Успеваешь в библиотеку? — папа заезжает на полупустую парковку, а я проклинаю себя за то, что просила ехать быстрее. Это же папа, а не мама. У него слова воспринимаются буквально. Мама рассказывала, что он возил ее на пары с таким ветерком, что она начала пристегиваться.

Перед тем, как попрощаться с папой, мы с Филом обмениваемся последними сообщениями.

Филипп:ты же знаешь, почему я так поступал в самом

начале.

Аврора:да, знаю. Но если не заметил, я несколько лет пыталась попросить прощение. Это ты носился со своей обидой, как курица с яйцами. А теперь знание не меняет того факта, что я не собираюсь тебя прощать.

Блокирую телефон. Конец беседы.

***

Гимназия полупустая. До начала уроков еще минут пятнадцать.

Мы вместе вышли из машины под странным взглядом папы. Вместе дошли до входа. Вместе сдали вещи в гардероб. Теперь Фил молчит. Просто ждет, пока я переобуюсь в кеды.

Я даже не могу сказать, что это странно. Это хуже. Его поведение выбивает из колеи и всерьез заставляет задуматься о двух вещах: либо он собирается заставить меня пойти к Ольге Михайловне и отозвать обвинения, либо это какой-то спор, как в дешевых американских мелодрамах. Тогда зря я вчера не залепила вторую пощечину.

Пока сижу на лавке и завязываю шнурки, мне кажется, что все смотрят на нас искоса, переговариваются.

Возможно, ждут продолжение вчерашнего обеденного шоу. Или предвкушают, как Фил поставит меня на место.

Все будет хорошо. Пусть смотрят, подумаешь.

Беру рюкзак, сдаю сумку с обувью и с раздражением понимаю, что Фил идет следом. Даже когда поднимаемся по лестнице, чувствую десятки любопытных взглядов — и это

именно сегодня, когда я снова в очках и выгляжу как зомби.

— Из-за тебя все смотрят, — бросаю в пространство, не поворачивая головы.

— Да плевать. — За спиной раздается смешок, от которого горячие мурашки бегут по шее. — Забей на них.

— Что ты там делаешь? — ступенька. — Строишь рожи? — ступенька. — Облил пиджак корректором? — поворот и лестница на третий этаж. — Что-то клеишь на спину?

— Просто любуюсь, — веселый тон в голосе окончательно добивает. И без того натянутые нервы сдают. Резко оборачиваюсь, едва не теряя равновесие. Вот было бы эпичное завершение неудачного утра!

— Спокойно! — Фил вскидывает руки, как грабитель в плохом фильме. Во взгляде ни тени насмешки. Наоборот, в нём тепло, как… Как раньше. Это только злит сильнее. — Ты…

— *Я что?*— шиплю, чувствуя, как щеки горят.

— Ну, ты вроде как… — наклоняется, понижает голос, — из-за очков не хочешь ко мне лицом поворачиваться. Я и не против, — продолжает, улыбаясь шире и делая шуточный реверанс. — Мы же гимназисты! Нас учат быть джентльменами. Дамы — вперед!

Отворачиваюсь, стискиваю зубы и быстро шагаю к кабинету математики, пока он не выдал еще что-нибудь, за что захочется треснуть по башке посильнее. К моему счастью, Фила зовет кто-то из учителей: слышу громогласное «Воро-

нов!» и удаляющиеся шаги.

Может, ему сейчас скажут об отчислении?

У кабинета только Глеб с Арсением и близняшки Оля с Леной. Сидят на подоконнике, коллективно делают домашку.

Первое желание — опустить голову. Не доходить до них несколько метров. Сесть на подоконнике подальше.

Но знаете что? Нет.

В линзах или в очках — это я. Одинаковая. Не собираюсь давать себя в обиду только потому, что пришлось надеть очки.

— Опа! Наша мышь вернулась, — Оля (она всегда носит розовые ободки, в отличие от сестры, которая их не носит вообще) окидывает взглядом исподлобья, отрывается от тетрадей первой. — Как насчет помочь одноклассникам?

Чувствую, как горят уши, но сажусь напротив, специально выпрямляя спину. Пусть видят: мне плевать на них и их глупые замечания.

— Она с Абрамовой повелась и зазналась, — сестричка весело ей поддакивает, говоря обо мне так, словно меня здесь нет. — Спорим, Абрамова ее использует для домашек?

Вот идиотки. Если не заметили, Саша — единственная стипендиатка в классе. На олимпиаде сегодня она, а не я. Я вообще подозреваю Сашу в высоченном IQ, которое влияет на ее странное поведение. Гении себе на уме.

— Всем привет, — к компании присоединяется только

что подошедшая Вильская.

Опускаю голову, достаю телефон, но успеваю заметить, что Полина выглядит нездоровой. Бледная, пусть и такая же эффектная, как обычно.

— Нужно? — Глеб машет ей тетрадкой.

— А ты все решил? — даже голос у нее какой-то дерганный. — Я последнюю задачу не разобрала.

Пишу Саше пожелания удачи на Олимпиаде, и она тут же присылает видео, где сидит за длинной партой в универе, улыбается и машет. На фоне такие же ряды, заполненные участниками Олимпиады. И… вау! Чья это темная макушка?

Аврора:рядом с тобой Юсупов?

Саша: где?

Аврора:вот прямо рядом с тобой! Слева. Как всегда чем-то недовольный.

Саша: а, этот придурок? Я его не заметила)) Сам подсел.

Хм. Саша говорила про мальчика с золотой ложкой в… Что он похож на принца, что увлекается восточной культурой. Как я сразу не поняла!

Дима в школе к Саше не подходит и за глаза называет сумасшедшей. Саша же прилюдно демонстрирует ему средние пальцы стабильно раз в два дня, но… Он действительно обладает аристократичной утонченной внешностью, незаурядными мозгами и волосами принца Эрика.

— Бестужева, прием! — Глеб соскакивает с подоконника.

Вижу его кеды. Шаг, шаг, шаг. Удушливый запах слишком взрослого для его возраста одеколона бьет в нос. — Давай сюда тетрадь.

Не двигаюсь. Смотрю в телефон.

— Ты что, не только слепая, но и глухая? Гони домашку, — заявляет Глеб таким тоном, будто я ему должна.

Страх и злость перемешиваются во взрывоопасный коктейль: наверное, адреналин подскакивает. Все внутри сжимается, когда поднимаю голову и смотрю прямо на него.

— Я не слепая.

Он ухмыляется и…

— Убери руки! — шлепаю по запястью, но Глебу плевать.

— Уже убрал! — одним движением он сдергивает с меня очки. — Если не слепая, зачем они?

Как низко и подло.

Глеб превращается в размытое нечто — только синяя форма мелькает пятном. Все, что за его спиной — цветное неразборчивое месиво.

— Ну что, уродина? — его голос становится громче, когда он наклоняется ближе. Не вижу лица, но знаю, что Глеб ухмыляется. Пытаюсь не выдать себя. Пусть не знают, насколько все плохо.

Стены — грязно-желтые разводы.

Окна — слепящие прямоугольники.

Люди — тени без лиц.

Тянусь за очками, но Глеб отдергивает руку.

— Ой, что-то нужно? — насмешливо тянет, держа их перед моим лицом, как трофей. — Только в обмен на домашку.

Пальцы впиваются в телефон. От страха потеет спина. Дышу ровно, чтобы не показать, что начинаю паниковать. Смотрю на смазанное лицо.

— Верни. — Голос тише, чем хотелось бы.

— Что-что? Так ты не глухая, да? Может, все-таки и не слепая? Зачем они тебе?

— Для того, чтобы видеть тупых идиотов, не способных решить алгебру. — Говорю громче. Так, чтобы все они, блин, слышали! — Полезно, когда вокруг такие, как вы.

— Ты… — он заикается от злости. Сейчас разобьет очки, да? Я не вижу, что он делает с ними! Вроде пятно-рука замахивается… Или нет? Мелькают новые белые пятна. Рубашка?

Очки падают мне на колени — целые и невредимые. Надеваю их — мир снова обретает четкие формы.

— Какого черта, Фил?! — возмущенно-испуганный крик режет уши.

Фил держит Глеба за пиджак, приподняв его так, что носки кедов едва касаются пола. Солнце очерчивает его профиль — сжатая челюсть, напряженные мышцы шеи, глаза, в которых плещется ярость.

— Это ты мне объясни, какого черта? — тон его голоса не сулит ничего хорошего.

— Да она сама!..

— Она, — Фил перебивает его, прижимая к стене, — просто сидела.

Близняшки замирают, открыв рты. Арсений опускает голову, делая вид, что ничего не видит. Полина исчезла, словно ее и не было вообще.

— Че у вас за?.. — подходящего Разумовского перебивает истеричный визг математички.

— Филипп Воронов! Живо в кабинет директора!

Узнать о тайном романе Димы и Саши можно в моей бесплатной книге "ННовенькая в его школе": https://litnet.com/shrt/hsSY

Дмитрий Юсупов — единственный наследник империи «Аркон Индастрис». Шикарный богатый мальчик, лучший ученик «Альмы». Недоступный, жестокий, порочный.

Его отец разрушает жизни по щелчку пальцев. После долгой подготовки я готова отомстить за свою семью и дать им вкусить их собственный яд.

Он говорит, что опасен для меня. Что я заигралась.

Только что он может? Ведь как бы он не ударил — я ударю сильнее.

Вас ждет:

Богатый парень и бедная девушка

Дерзкая героиня

Днем он хороший мальчик, а ночами гоняет на мотоцикле

От мести до любви

Семейные тайны

Глава 21. Ты всегда была моей

Филипп

Боль бывает разная. Эта боль перемалывает внутренности подобно мясорубке.

Сижу в кабинете директора. Смотрю в зеркало на стене.

Если бы можно было вернуть время вспять… Я бы многое отдал за шанс все исправить. Не тащил Аврору на проклятую площадку!

Закрываю глаза. Ее образ никуда не исчезает.

Так долго считал, что из нас двоих предатель — она, но… Я больше в этом не уверен.

Аврора бросила меня с маргинальными отморозками.

Меня мучило осознание предательства. *Она сбежала.* Воспользовалась шансом, но никого не позвала помощь. Ядовитая, растекающаяся по венам обида крыла мелкого меня так сильно, что я даже не запомнил, как придурки занесли меня в старую трансформаторную будку и заперли.

Лежа в темноте с разбитой губой, пробитой башкой и адским жжением в ребрах, я возненавидел не их, а ее. Словно она была виновницей случившегося — так решил мой глупый мозг. Когда, в соплях и слезах, я каким-то чудом увидел дырку между землей и стенкой, когда вылез через нее… Рядом никого не было.

Я поплелся в сторону отеля, но родители нашли меня

только к вечеру. Я кое-что понял тогда.

Всем на всех плевать.

Я был ребенком, избитым, растерянным. Никто не подошел, не спросил. Меня обходили, как чуму, решив, наверное, что я ребенок пьяницы или черт знает кто еще.

Я набрел на остановку, где спрятался от солнца. Помню бабулю, давшую воды и позвонившую в полицию.

Помню суету, полицейских с собаками, скорую, маму, папу, дядю Витю и Василису Николаевну… И ее. Аврора была среди них. Тогда ее лицо, залитое слезами, впервые вызвало у меня отвращение. Какого черта ревела она, если досталось мне?!

В тумане ненависти и в тисках панического страха темноты прошли пятый и шестой классы. Она молча терпела все мои выходки.

Ава пыталась не отчаиваться. Каждое утро, когда водитель вез нас в школу, Ава начинала с тихого «привет». А по праздникам таскала мне сладкое.

Кажется, это было проклятое четырнадцатое февраля… В тот день коробка была по-дурацки розовой. Пахло клубникой и свежей выпечкой. Пальчики оближешь! Я открыл и… На внутренней стенке ровным красивым почерком было выведено: «Я тебя не бросала. Я пыталась найти тебя весь день».

Как меня тогда взбесила эта ложь!

ГДЕ ТЫ МЕНЯ ИСКАЛА? Я БЫЛ ТАМ, НА ТОЙ ПЛО-

ЩАДКЕ!

Она оставалась упертой. Она пыталась влиться в отвергающий ее класс, смеялась со всеми с моих шоу у доски, сбегала с уроков. Казалось, что назло мне она не боится вообще ничего и никого.

В восьмом классе я назвал ее уродиной. Тогда что-то в ней и сломалось. Расстояние между нами в прямом смысле увеличилось: в тачке она неизменно жалась к окну. Больше мы не разговаривали. Ава перестала общаться с классом, стала горбиться, опускать голову и прятаться за волосами.

Я обломал ей крылья. Вырвал этим проклятым словом, и все так быстро подхватили!

Глаза адски печет и… черт. До крови во рту прикусываю щеку изнутри.

В глазах помутнело, но я замечаю, что у входа в кабинет верещит мать Глеба. Подошедшая директриса трет переносицу.

— Ирина Константиновна, вы свободны.

— Но он! Он...

— Ирина Константиновна, у вас урок.

Синусоида истерично захлопывает дверь, оставляя меня с дьяволом один на один.

— День еще не начался, а ты уже кого-то довел. — Директриса смотрит на меня, тяжело вздыхая. — У меня нет желания делать тысячное замечание. Мы начинаем процедуру отчисления, Филипп. С твоими родителями свяжется класс-

ный руководитель. Свободен. Можешь не приходить на занятия.

Нет, нет, нет!

Я способен пробежать стометровку, не задохнувшись, но сейчас кислород бьет мне в голову. Сердце стучит, словно я дал ему конскую кардионагрузку.

Наклоняюсь. Цепляюсь пальцами за обивку стула, пытаясь привести себя в чувство, но становится только хуже. Мозг рисует яркие воспоминания.

Аврора была аксиомой. Неоспоримой частью моей жизни, сколько себя помню. Веселая девчонка, устраивающая в наших домах настоящие шоу-концерты с песнями, переодеваниями и моим сомнительным бэк-вокалом.

Она была настолько яркой и светлой, что была похожа на ангела. Золотой ареол вечно растрепанных волос, заразительный смех, перед которым когда-то не могла устоять малышня из первого «А», улыбки и задорное «Фи-и-ил, ну пожалуйста!», ради которого я готов был сигануть в любое пекло.

Она соглашалась на все мои дурацкие идеи.

Расцарапанные колени и руки, синяки на ногах и грязные после наших игр шмотки приводили Василису Николаевну в состояние сердечного приступа, но никто ничего не мог сделать: нас невозможно было разлучить.

Она была моей. Уже тогда.

— Филипп?

Была.

Моей.

— Я вызову врача.

А я собственноручно ее уничтожил.

Она была таким же напуганным ребенком, идиот! Какого черта ты натворил?!

— Пожалуйста… — сглатываю горечь, не веря, что мой голос звучит настолько жалко. — Не исключайте меня.

Ава ненавидит меня. Заслуженно. И пусть. Все это время, когда я ненавидел ее, она все равно была рядом. На расстоянии вытянутой руки.

— Пожалуйста…

— Прекращай разыгрывать комедию, Филипп.

Я думал, что знаю, что такое ненависть. Думал, что ненавижу ее.

Но нет. Что такое ненависть, я узнаю прямо сейчас — когда поднимаю голову и понимаю, что больше не могу смотреть на свое отражение. Поворачиваюсь к Церберу и чеканю:

— Ольга Михайловна, Глеб сдернул с нее очки. Требовал списать. Замахнулся на нее. Она ничего без них не видит.

Черные брови директрисы подымаются вверх.

— Это было в коридоре перед кабинетом математики. Посмотрите запись, пожалуйста.

— Если запись не подтвердит твоих слов, я добавлю к психологическому портрету патологическую ложь.

Я не ожидал, что она сдастся, но Ольга Михайловна пару

раз кликает мышкой, смотрит в монитор и, судя по поджимающимся губам и краснеющему лицу, видит сыночка математички во всей красе.

Щелчок. Еще один.

— Записи твоего нападения на одноклассника больше нет.

— Как и записи поведения сына заслуженного преподавателя.

— Хорошо, Филипп. Давай поговорим по-взрослому, — она быстро пишет сообщение в телефоне, — я предупредила Марину Анатольевну, чтобы она не звонила твоему отцу.

Ольга Михайловна складывает пальцы в замок, упирается подбородком.

— Мне не выгодно тебя отчислять. «Легион» уже занялся формированием твоего имиджа. Тот факт, что их восходящая звезда из «Альмы», сыграет большую роль для спортивного финансирования на следующий год.

Да-да, и плевать всем, что это заслуга моего старого баскетбольного клуба.

— Фотография эротического содержания может создать проблемы. На записки я могла бы закрыть глаза, отправив тебя к психологу со, скажем, приступами агрессии. Но ты дал ребенку порнографический материал. А он передал его Авроре, которой тоже нет восемнадцати.

— Я ничего из этого не делал. Мы вообще встречаемся.

Вот это я ляпнул. Стерва на минуту выпала.

Мне же нельзя к ней подходить…

— Аврора может это подтвердить? — неожиданно спокойно и без претензии уточняет Цербер.

Сгорел сарай — гори и хата.

— Да.

Вот она обрадуется, конечно. Может, я мазохист, которому понравилось вчерашнее окончание вечера?

— Ну что же. Подростки бывают трудными… неуправляемыми… — задумчиво стучит ногтем по столу, и я догадываюсь, к чему она ведет.

— Только не делайте из нее психопатку. Хватит одного меня.

— Хорошо. Диагноз поставит психолог. Ты сможешь остаться. И с тебя Кубок школ в турнире. «Касаткам» нужен заряд бодрости на следующие пару лет.

— Сделаю все, что смогу.

— Нет, Фил, ты сделаешь *все*. Я не буду распространяться, что в школе завелся еще один ученик, который травит гимназистов. Вот как мы поступим: ты прислал анонимки, потому что вы поссорились или потому, что хотел привлечь внимание. Ну, там уж как вы решите с психологом… Может, у тебя действительно дефицит внимания, а может, проблемы с эмоциональным интеллектом.

Я заключаю сделку с дьяволом? Ощущается именно так.

Надеюсь, мне не пропишут ничего серьезного, что повлияло бы на дальнейшую карьеру в спорте.

А выйдя из кабинета, я открываю общий чат выпускников.

Филипп:ЗАВТРА В 19:00. ВЕЧЕРИНКА. У МЕНЯ ДОМА. ПРИГЛАШЕНЫ ВСЕ. КРОМЕ Соколова

Сообщение мгновенно прочитывают. Льются ответы, несмотря на разгар первого урока.

«ОООООО, ВОРОНОВ ВЕРНУЛСЯ!»

«А еда будет?»

«ФИИИИЛ, А ЧЕ ПО ОТЧИСЛЕНИЮ?! ХОДЯТ СЛУХИ»

Отлично. Пока они обсуждают мое возвращение, проверяю наш с ребятами чат. Там висят сообщения уже минут двадцать.

Максим:Воронов, что ты устроил? Нет, серьезно. Что это было? Сначала на меня рычал, потом эти ваши семейные разборки в столовой, потом Глеб… Запал?

Максим:Юсупов, ты со своей олимпиадой пропустишь отчисление капитана. Он озверел из-за Бестужевой. ДИМА!!! ХЭЛП!!! ЕМУ НУЖЕН ГОЛОС РАЗУМА

Максим:Соколов, а ты че молчишь? Не мог у нее по-человечески попросить? Я могу дать мастер-класс)))

Максим:Але! Вы всем меня игнорите?

Глеб: я понятия не имею, что происходит. С каких пор Бестужева стала неприкосновенна. И, Макс, иди ты

Глеб: КАКОГО ЧЕРТА?! В ОБЩЕМ ЧАТЕ

Максим:Фил, ты серьезно кинул друга из-за бабы?

Филипп:извинись перед ней

Глеб:ничего не хочешь объяснить?

Филипп:сейчас объясню

Открываю общий чат, пролистываю кучу сообщений. Надеюсь, Ава проверяет его хоть иногда.

Филипп:Аврора, не опаздывай или я зайду за тобой сам))

Глеб:это шутка?

Филипп:для особо непонятливых. Аврора — моя девушка. И вы все приглашены на вечеринку в ее честь. Если у кого-то есть вопросы — вэлком. С радостью поговорю лично с каждым.

После минутного затишья чат взрывается вопросами, дурацкими смайлами с овощами и ягодами, сердцами всех цветов и каким-то стикерным мусором.

Кажется, я только что предложил ей встречаться. Теперь можно и к мозгоправу зайти.

Трачу два урока на разговоры, валяясь на белой кушетке. В какой-то момент дремлю под унылые истории психолога.

Звонок с урока застает меня у стенки напротив кабинета физики. Родной 11«А» вываливается в коридор.

— Воронов, тебя правда отчисляют?

— Фил, че за движ с ботаничкой?

— Я зна-а-а-ал, что эти ваши игры в любовь-ненависть закончатся примерно так!!! Знал! Ну, че? Как она? — Максим с дурацкой ухмылкой хлопает по плечу.

Народ уже подтягивается — коридор гудит.

— Твоя девушка, кажется, не хочет выходить, пока мы тут

стоим, — Вильская говорит сладким голосом, но глаза ледяные. Подходит ближе, так, что слышу только я. — Ее нет в общем чате, Воронов. Бедная мышка не в курсе, почему на нее пялятся.

Кто-то сзади ржет.

— О, Вильская, ну че, волосы ей вырвешь или как?

— Эй, а в ваш тройничок запись есть?

— Бестужева, вэлком в шведскую семью!

Ава выходит последней. Бледная, с тетрадью, прижатой к груди. Наши взгляды сталкиваются. В ее глазах — шок. Шагаю вперед, но разговоры не смолкают.

— Опа, а вот и виновница тусы!

— Че молчишь, Бестужева? Или теперь к тебе через Воронова?

Аврора в полнейшем шоке смотрит по сторонам.

— Все нафиг заткнулись! Или лично заткну!

Че несу? Снова нарываюсь на драку? И так в кабинете Цербера бываю чаще, чем на уроках.

— Так, оставим-ка голубков поворковать! — Разумовский с улыбкой оглядывает толпу с высоты своего роста и улыбается. Умеет разрядить обстановку. — Але! До пятницы, товарищи!

За ним медленно рассасывается толпа: кто-то косится, кто-то шепчется, но никто не решается остаться.

***

Полина стояла за широкой колонной и наблюдала стран-

ную картину.

Фил отдал Бестужевой свой телефон. Что-то тихо сказал. В ответ ее светлые брови приподнялись, а губы приоткрылись в забавном «О». Видимо, одноклассница увидела чат, о существовании которого не подозревала. Пока Аврора листала сообщения в его телефоне, Фил смотрел на Бестужеву так, как никогда не смотрел на Полину: без привычной дерзости, без маски.

— Поверить не могу, что он на меня наехал из-за очкастой овцы! — грубый, но негромкий голос Глеба раздался слева. Полина юркнула в другую сторону. Теперь она могла видеть, как Глеб плюхнулся на подоконник в метре от сладкой парочки и бросил рядом с собой сумку, из которой едва не вывалились учебники.

Максим, ее личный изверг с ангельской внешностью и ямочками на щеках, остановился напротив.

— Он на тебя наехал, на меня. Из-за нее. Ты понимаешь, что происходит?

— Да плевать.

— Она тебе тоже, что ли?..

— Серьезно, завязывай. Какое тебе дело, кто и с кем? — Максим на миг стал не балагуром, которого знают все, а тем, кого видела изредка дома Полина. Разумовский прожег Глеба взглядом, когда Полина слушала девичий спокойный голос.

— Мне не нужна ничья защита. Твоя — в особенности.

Разворот. Шаги. Она ушла, даже не повысив голоса. А Фил улыбался. Не насмешливо, не зло, а так, словно только что выиграл спор. Он даже не пытался скрыть гордость, провожая Аврору взглядом.

— Тебя только что отшили, капитан. Чему радуемся?

Фил наконец оторвал взгляд от удаляющейся фигуры Авроры.

— Ты чего тут торчишь?

— Да так, наблюдаю за природой. — Максим широко ухмыляется. — Редкий вид птицы — Воронов, получивший отпор и не пытающийся дать сдачи.

Фил пожал плечами.

— Завтра, послезавтра или через неделю — она моя. Выпускной вальс либо со мной, либо ни с кем.

— Именно ты несколько лет дрессировал ее выдержку и нервы, так что-о-о… Сорри, кэп, но ставлю на нее.

Фил всегда был азартен и не терпел поражений. Полина видела, как улыбающиеся друзья пожали друг другу руки, словно поспорив. А потом произошло что-то совсем неожиданное. Максим попросил Глеба разбить и…Полина увидела, как судорожно Глеб прятал телефон, на который, кажется, тайно снимал происходящее.

Ни Максим, ни Фил ничего не заподозрили. Глеб действительно извинился за утро. Фил что-то недовольно проворчал. Парни, забрав рюкзаки, ушли.

Она осталась в коридоре одна.

Сновали туда-сюда гимназисты. Ходили неспешно учителя. Вильская подошла к подоконнику, где сидел Глеб.

Зачем ему это видео?

Она достала телефон, включила камеру — тот же ракурс. Идеальный обзор.

Сказать Филу? Выгодно ли ей это? Нужно ли ей вообще лезть в их разборки, когда своих забот полно?

Мысль вызвала горькую усмешку.

Скаут из модельного агентства настаивала: «Пиар с Вороновым — идеальный вариант. Золотая пара школы. Люди любят шоу, а твой аккаунт в нем нуждается». Мама вчера снова поставила перед ней тарелку с брокколи и вареным лососем: «Перед отбором на неделю моды приведи себя в форму». А эти дурацкие записки…

«Ты красиво смеешься. Почему последние дни ты перестала это делать? Из-за Воронова? Он тебя не достоин».

Кто-то наблюдает, но ничего не делает: Полина привыкла к подобному в своем мире, но в школе?

«Новый парфюм слишком резкий. Вернись к тому, что был раньше».

А вот это вообще никто не должен был заметить! Полина несколько дней подряд использовала туалетную воду будущего сводного брата, чтобы позлить его. Максим не переносил, когда трогали его вещи.

Вильская глубоко вдохнула, облокотилась на окно. В глаза бросился аккуратно свернутый листок бумаги в клетку.

Лежал там, где валялась сумка Соколова.

Нехорошее предчувствие родилось в груди, когда Полина потянулась к листку. Развернула. И застыла, читая слова, выведенный знакомым почерком.

«Когда ты наконец поймешь, что он тебя не достоин?»

Дорогие, приглашаю вас в книгу Димы и Саши "Новенькая в его школе": https://litnet.com/shrt/zyCJ

И приглашаю в горячую, летнюю, острую историю родителей Авы: "Люблю тебя, девочка": https://litnet.com/shrt/y7Vt

Глава 22. Мотыльки, слетающиеся на свет

♪♪Полина Гагарина и Сергей Лазарев - Две звезды♪♪

Матвей припарковался перед воротами «Альмы» и, ожидая Аврору, нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, смотрел на механические наручные часы, поправлял каштановые вихры волос, глядя в зеркало заднего вида.

Шерстяное пальто давило на плечи. Воротник водолазки врезался в горло. Матвей нервничал все сильнее: видел, как у выхода из гимназии ее тормознул какой-то рыжий придурок.

Вмешиваться не хотелось: парень выглядел крупнее Матвея. Девчонку вряд ли ударит, а вот ее защитника — вполне.

Матвей знал Аврору много лет: у нее был выдающийся контральто, диапазон три с половиной октавы. Ава могла бы стать восходящей звездой бэлтинга*, если бы могла петь на публике. Но она не могла. Теряла дар речи в свете софитов.

В этом году девчонка изменилась. Матвей знал, что дуэт с ней — шанс пробиться в какой-нибудь крутой лейбл. Дуэты в мире попсы популярны, Ава стала смазливой. Нужно только помочь девчонке поверить в себя. Матвей будет тем, кто это сделает.

Он представлял, как их дуэт в стиле «Артик и Асти» взо-

рвет чарты, как взлетит его популярность, как жизнь приобретет яркие краски. Забитая девчонка-школьница — билет в эту жизнь — вряд ли вообще поймет, что происходит.

Матвей еще раз взглянул на ворота школы и съежился, увидев через лобовое стекло парня, смотрящего прямо на него, чьи глаза полыхали адским огнем.

Когда взбудораженная и явно находяща

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.